

Игумен Аркадий (Недосеков)

БЛАЖЕННАЯ АНАСТАСИЯ ВЯЗЕМСКАЯ

Жизнеописание по воспоминаниям современников

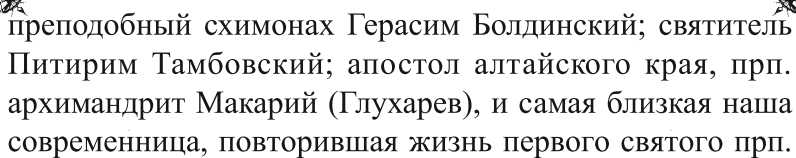
Жизнь очень немногих русских праведниц запечатлена была в житийных сказаниях, тем более драгоценны для нас исторические свидетельства о них.

Путь женской святости в истории Русской Православной Церкви озарен сиянием славы Самой пречистой Матери Господа. Этот путь становится воплощением служения, которое лежало в основе сотворения жены как «помощницы соответственного ему (мужу)» (Быт.2,18).

Почти все канонизированные жены Руси - княгини. На них с первых веков христианства в Русской земле промысел Божий возложил особый подвиг - явить своим сестрам образцы христианской женственности, стоять «светильником горящим и светящим» (Ин.Б,35), «свечей на подсвечнике и светить всем в доме» (Мф.5,15).

Завет древнерусских благоверных княгинь был принят и пополнен на Руси - бесчисленный сонм праведных инокинь и мирянок возрастила Русская земля. Явились новые формы подвижничества: подвиг, проповеди слова Божия, деятельное участие в борьбе с врагами родной земли, основание школ, монастырей, странноприимных домов, благотворение, странничество и, как венец всего - старчество.

Старинный русский городок Вязьма... В этом городе в разное время люди несли различные духовные подвиги: юродство Христа ради прп. Аркадий; мученики и исповедники благоверные князя Симеон и Иулиания;

преподобный схимонах Герасим Болдинский; святитель Питирим Тамбовский; апостол алтайского края, прп. архимандрит Макарий (Глухарев), и самая близкая наша современница, повторившая жизнь первого святого прп. Аркадия и достигшая посредством этого подвига именоваться «старницей» - блаженная Анастасия Вяземская (старица Настенька).

Как повествует предание, блаженная старица Настенька, так ласково звали в народе ее, прожила далеко за сто лет. Ссылаясь на свидетельство о смерти, она - **Филиппова Анастасия Филипповна**, умерла 27 мая 1959 года в возрасте 117 лет. Причина смерти - хронический бронхит легких. Место смерти - д. Старая деревня, Вяземского района Смоленской области.

Вот о ней-то - блаженной старице Анастасии - и пойдет повествование.

О раннем периоде жизни блаженной Настеньки сведений имеется мало. Местом рождения блаженной Анастасии Вяземской одни считают деревню Монино, Великопольской волости Вяземского уезда Смоленской губернии. Другие говорят, что Настенька родилась в деревне Сизово Волоста-Пятницкого прихода. Сейчас деревня Монино еще существует, а деревни Сизово уже нет.

Блаженную Настеньку помнят в Касне, Монино и в округе, по которой она ходила побираться с матерью.

В 1898 году отцом Павлом Троицким (с 1930 года - архиепископ Вяземский Павел, расстрелянный 3 декабря 1937 года) на пожертвованных десятинах земли в километре от деревни Монино (Хомищевской волости,

недалеко от Касни) в березовом лесу был основан женский Ново-Троицкий монастырь.

Этот монастырь часто посещала блаженная Настенька, она очень почитала отца Павла.

Рассказывали, что до войны Настя работала на «лучинно-спичечной фабрике, которая была в Вяземском Иоанно-Предтечевом мужском монастыре после того, как монастырь закрыли».

Настенька всех, кого любила, обязательно переименовывала. Она разговаривала с иконой, которую носила на груди, и обращаясь к ней: «Мать». Часто беседовала Настя и с другими иконами, испрашивала у них, как у живых, совета, когда ее саму о чем-либо спрашивали.

Года за три до революции 1917 года Настенька сняла икону с себя, пошла в магазин и купила четыре аршина красного кумача. Обмоталась кумачом, взяла собаку и так ходила по городу.

Сохранились многочисленные воспоминания очевидцев, знакомых с Настенькой или слышавших о ней.

Вот что рассказывала уроженка д.Минино, а с 1942 года жительница г.Вязьмы, Анна Петровна Петрова (12.07.1912 года рождения):

«Настенька была высокая ростом, худая, волосы темные с сединой, глаза черные, лицо темное. Носила сарафан и рубаху - сумару с вышитыми рукавами. На голове - платок, покрывающий верхнюю часть головы, узелком сверху. Носила на груди икону Божией Матери «Тихвинскую» и через плечо два узла тяжелых. Видимо, в них были все ее пожитки. В начале XX века Настенька

появилась в Вязьме и целыми днями бродила по городу.

В один из праздников Рождества Божией Матери, когда я еще девчонкой была, собрались родители в Вязьму поросенка покупать. Я попросилась с ними, хотелось церкви посмотреть, которых в Вязьме было более двадцати и два монастыря. Увидела в Вязьме блаженную. Стояла Настенька на пороге Ильинской церкви (бывший Ильинский женский монастырь), возле нее - два больших узла. Настенька хотела поднять их, да никак не могла. У меня-то ум детский был, я к блаженной подошла и говорю: «Бабушка, давай я тебе помогу поднять на плечи узлы». А Настенька мне: «Это кто ж такая, это девка, та, что у Иверской читает «ти-ти-ти, ти-ти-ти». (Иверская чтимый образ в Троицком соборе, а перед ним - клирос). А потом она мне говорит: «А вор ты горький, ты вор, куда ты вцепилась в Настину сумку».

Я пришла к маме и говорю, что стояла какая-то старушка с двумя большими узлами, я хотела ей помочь, а она назвала меня: «вор ты горький», да что у Иверской я читаю «ти-ти-ти». Мама говорит, да это Настенька. Вот я с 18 августа 1942 года и стала псаломщицей Троицкого собора у Иверской.

Потом, к Духову дню привезли Настеньку к нам в Минино. Ее женщины спрашивают: «Мать Настя, благословите нас, хотим поговорить». Она подумала и говорит: «Поговеть - хорошо, завтра Духа Святого сошествие, а лучше б вы побеспокоились о Духе».

Когда Настя гостила в деревне Минино, моя мама купила два пряника и послала с девочками блаженной. Девочки отрезали себе от пряников по кусочку, а потом

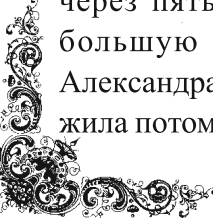

Насте снесли. Она встретила их и говорит: «Надо ж, Настенькины пряники объели, ах, объели!»

Позже мама моя – Евдокия - в Вязьме на рынке встретила Настю. Настя ей говорит: «Присядь. Купи детям хоть фунт сала, а то есть нечего». Мама возразила: «Да есть дома сало - свинья большая!». Настя настаивает: «Ну, хоть бутылку молока большую, а то есть детям нечего, а они есть просят». Мама пришла домой, а детишки встречают ее со словами, что свиньи больше нет. Была жара, свинья заболела, подхватила рожистое воспаление и сдохла. Свинью оттащили в кусты, чтобы звери съели. А вскоре и корова сдохла: чем-то объелась.

Мой отец – Петр - приехал в Вязьму и остановился у своего приятеля Александра Ивановича, которого знал хорошо. В этом доме и Настенька часто бывала. Жена Александра Ивановича по наказу Насти готовила для моего отца постель на ночлег: «Саня, ты постели Митрофану с Бозни (мы в то время переехали из Минино под Вязьму). Постели чистую, белую и подушку такую же белую, да ложку положи, чтобы только рис кушать». Через некоторое время мой отец умер – во время поста, еще до войны.

В том же доме была как-то Настенька и просила Саню: «Стопи мне молочка, хочу топленого». Она ей приготовила, Настя взяла молоко и давай брызгать на стены, да водой поливать. Хозяйка ей удивилась: «Что это ты делаешь?» Через некоторое время дом сгорел. Дней через пять после пожара Настя пришла, притащила большую жердь и приставила к пепелищу. Семья Александра Ивановича быстро отстроила новый дом и жила потом хорошо.

Заболел у Анны Петровны сын Сережа. Поехали к Насте, да гостинца взяли. Мать мальчика говорит: «Настя я тебе гостинца привезла» - «Какого гостинца? Это мы понимаем, это княгине, Марии Федоровне. Вынеси за дверь-то гостинец, и сыпь на пол, сыпь»... Потом говорит: «Это не Лида его простудила, не Лида» Лида была сестрой Анны Петровны. Мальчик Сережа вскоре умер.

Вязьмичка Мария Борисовна принесла Насте шерстяной подшальник и передала со словами: «Настя, я тебе гостинца принесла». А в ответ услышала: «Это ж Мария- разбойница купила! Ну, брось его на печку!» Подшальник Настенька в руки не взяла, стала перечислять родственников Марии по именам: «Отец - Сидор, да Катерина мать, да сестра, а сын разбойник у тебя». И правда – потом «сын-разбойник» хотел мать топором зарубить. Неблагополучная была семья, оттого и не приняла Настя гостинца.

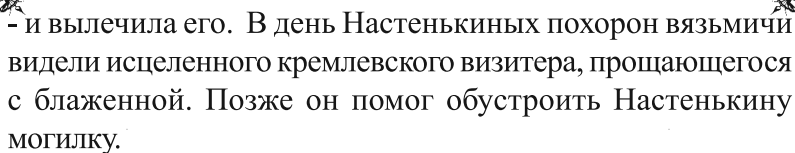
Одна женщина просила Настю, чтобы та благословила ее сына-столяра играть на гармошке в клубе. «Мы понимаем так, - ответила Настя, - несчастливо будет на гармошке играть. Играть станет, значит, девки плясать будут, мы это понимаем. Ты приходи потом, да принеси мне пирогов с кашей, и вымажи маслом». Позже молодой человек, которого мать хотела видеть играющим на гармошке, шел через железнодорожные пути и попал под поезд.

Пришла Настя в Ново-Троицкий монастырь, зашла в храм, а там, на скамейке, сидит беременная женщина. Настя в черном платке под села к ней, а вшей у блаженной полно было. И вдруг говорит Настенька, пододвигаясь к женщине: «Возьму и задавлю». Пододвигается ближе и повторяет: «Возьму и задавлю». Родился потом у женщины ребенок мертвый.

Параскева Александровна Бурова из С-Петербурга вспоминает, что блаженная Настенька ходила с мешком на спине и с маленькой черной собачкой, похожей на таксу: «Последний раз я ее видела - она подошла к собору, сняла с плеч мешок. Рядом с мешком села собачка, а Настенька пошла в собор. Второй раз я была в Вязьме, когда Насти уже не было в живых».

Когда Александра Бурова была на кладбище, то женщина, стоявшая у Настенькиной могилки, поделилась историями из жизни блаженной. Две подруги решили поехать к Настеньке. Одна из подруг говорит: «Сведу я ей платочек». У нее их было два, и размышляла она какой взять. Когда приехали к блаженной, женщина, привезшая платочек и говорит: «Настенька, я тебе платочек привезла». Настя взяла платок в руки, поглядела на него и сказала: «А другой-то лучше».

Второй случай связан с болезнью одного из кремлевских служителей. Где он только не был: и в больницах, и на курортах, и в санаториях, но нигде не вылечивался. Кто-то посоветовал кремлевскому чиновнику приехать в Вязьму, к блаженной Анастасии. Мужчина приехал, а Настенька ему и говорит: «Давно бы нужно...».

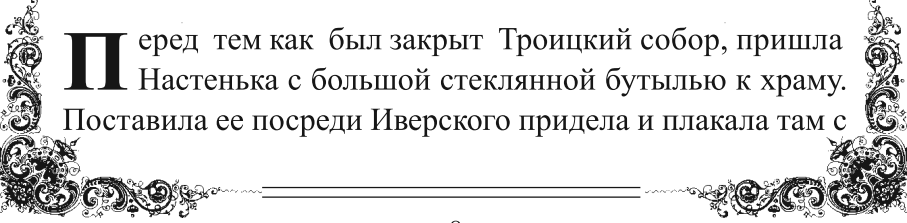
- и вылечила его. В день Настенькиных похорон вязьмичи видели исцеленного кремлевского визитера, прощающегося с блаженной. Позже он помог обустроить Настенькину могилку.

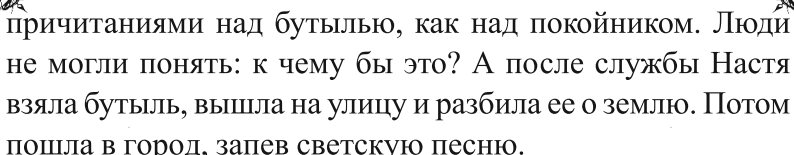
Всех женщин Настя прозывала либо «оброшницами», либо «проса» - простая. Давала Настенька и другие прозвища. Приезжала к ней в Старую деревню из Москвы некая Маргарита Михайловна, которую Настя прозвала Синклитикией за то, что та на артистку была похожа.

Однажды Маргарита Михайловна, ее спутник Андрей Павлович и Настенька были в доме по ул. Стачечной (бывший Гайдуков переулок). Там была домовая церковь Алексея - человека Божия и дом, подаренный отцу Павлу под дворье Ново-Троицкого монастыря госпожой Пельт. В том доме оставалась комната от храма, в которой лежали церковные вещи - антиминс, утварь, иконы. В той комнатке Настя и осталась, а Маргарита Михайловна и Андрей Павлович остановились в другой комнате.

Вдруг шум: Настя кричит. Забежали к ней, а она все святыни вытащила, какие могла, да танцует на одной ноге. Другой ногой поддает об пол, притоптывает. У нее спрашивают: «Что ты, Настя, делаешь? Ведь это — святыни». Она отвечает: «Мы понимаем, что святыни». Вскоре все церкви стали закрывать, закрыли и Троицкий собор.

Перед тем как был закрыт Троицкий собор, пришла Настенька с большой стеклянной бутылкой к храму. Поставила ее посреди Иверского придела и плакала там с

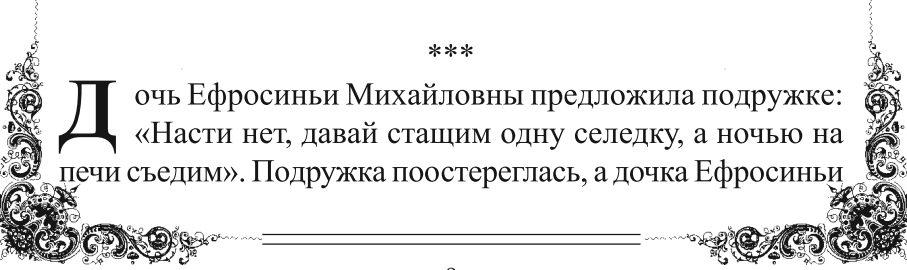
причитаниями над бутылью, как над покойником. Люди не могли понять: к чему бы это? А после службы Настя взяла бутыль, вышла на улицу и разбила ее о землю. Потом пошла в город, запев светскую песню.

Через некоторое время подъехали к Троицкому собору служивые люди, стали вывозить иконы, сбросили колокола. Когда упал самый большой колокол, долго гудела земля.

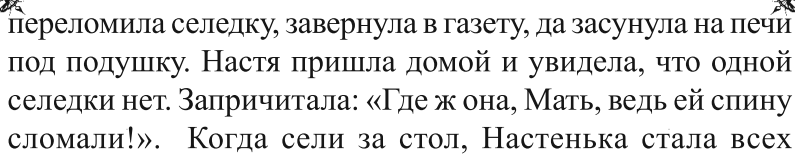
Настенька не ко всем заходила, хотя многие зазывали ее к себе в гости. Была как-то Настя у Ефросиньи Михайловны, а это было время жесточайших репрессий, когда без всяких разговоров НКВД забирало людей. У одной женщины арестовали мужа. Она волновалась, потому что не знала, куда и за что увели ее супруга.

Пошла эта женщина к Настеньке: «Мать Настя, помолись, чтобы мужа вернули, у меня ведь дети маленькие». Настя отвечает: «Принеси мне селедок». Тогда их в бочках продавали, большие селедки были, жирные. Женщина купила их, приносит Настеньке, а та берет селедки за хвост, да ими прямо в лицо женщине, да прогнала ее прочь.

Женщина расстроилась, вся в слезах пошла домой...
А муж - уже дома.

Дочь Ефросиньи Михайловны предложила подружке: «Настя нет, давай стащим одну селедку, а ночью на печи съедим». Подружка поостереглась, а дочка Ефросиньи

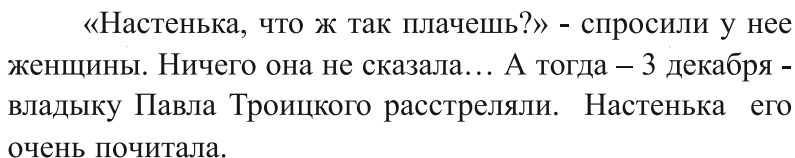

переломила селедку, завернула в газету, да засунула на печи под подушку. Настя пришла домой и увидела, что одной селедки нет. Запричитала: «Где ж она, Мать, ведь ей спину сломали!». Когда сели за стол, Настенька стала всех селедкой угощать, а девчонкам – не предложила и кусочка. Дочь Ефросиньи попросила: «Настя, дай хоть долочку селедки». А в ответ услышала: «Ступай, шалопутная! Селедке спину сломали, ах, сломали!»

В 1937 году в третий раз арестовали архиепископа Павла (Троицкого). Настя в то время жила у Любы Маликовой в Старой деревне. Однажды и говорит Настенька хозяйке: «Собери проса, оброчниц - акафисты станем петь». Собрались женщины и спрашивают: «Настя, какие акафисты благословишь читать?» - «Да вот, хотя бы такой: «Иисусе, Сыне Божий, помяни нас во Царствии твоём... Матери Божией Нечаянная радость, Скорбящей Матери Божией».

Запели женщины, а Настенька пошла в комнату-чуланчик, да как заплачет там, так горько, что вся содрогалась. Женщины растерялись, но пения не прекратили... А Настя причитает: «Великий Сергей, сын мой возлюбленный, прилети-ка, прилети к нам, а то мы боимся не прекратился б нам свет!»

«Настенька, что ж так плачешь?» - спросили у нее женщины. Ничего она не сказала... А тогда – 3 декабря - владыку Павла Троицкого расстреляли. Настенька его очень почитала.

Служил до войны в Вязме в Троицкой церкви священник - отец Владимир. Его, как и всех священников, однажды арестовали и сослали. Через некоторое время пришла в их семью старица Анастасия и сказала: «Прилетит голубок и улетит». Через несколько времени отец Владимир приехал, но пробыл дома недолго, может 2-4 месяца, а потом его снова арестовали и он больше не вернулся.

Вот какие воспоминания – свои и очевидцев - записала *Денисова Любовь Николаевна, родившаяся в деревне Черемушки и проживающая потом в городе Вязма в доме № 16 по ул.Заречной:*

«В первые месяцы войны 1941 года, когда были первые бомбежки нашего города, немцы с самолетов сбрасывали осветительные фонари. Народ поначалу думал, что это - лампадки на небе, и многие говорили что пришел конец света.

Люди в Старой деревне (Черемушках) стали прощаться друг с другом и просить за обиды прощение. Было это около дома, где жила блаженная Настенька. Сама она по окопам никогда не пряталась, не боялась ни бомб, ни немцев. Все говорила: «Германцы нас не побьют - мы им нужны. Войны не бойтесь - бойтесь голода. Матушка Богородица за нас, за Россию... Богу молится и просит Господа, чтобы оберег Он нас. Сидите дома, да языки не высывайте!»»

Со слов Маликовой З. В.:

«В 1942 году немцы забирали Настеньку в город, в комендатуру, допрашивали, но ничего вразумительного от нее не добились: сочли за юродивую. Она на прощанье сказала им: «Красного петуха белый с крестами не победит!»»

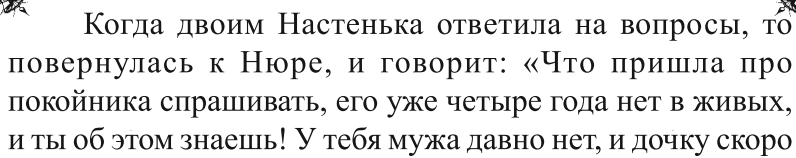
Рассказывала Егорова Наталья Ульяновна, житель г. Вязьмы, родом из деревни Марьино:

«Когда оккупанты выпустили Настеньку из комендатуры, как дурочку, то немецкие солдаты стали насмехаться над ней и спрашивать, кто победит Ганс или Иван? Настенька сказала им: «Несите красного и белого петуха». Немцы нашли петухов и принесли. Настя на белом петухе нарисовала сажей кресты и пустила петухов биться.

Красный петух одолел белого.

После войны, году в 1946 году, я ходила к Настеньке узнавать о судьбе двух моих братчиков, не вернувшихся с фронта: Петре (1909 года рождения) и Владимире (1926 года рождения). Настенька мне сказала: «Петра поминай за упокой, а второго - не поминай». Когда я второй раз к ней пошла, в 1955 году, Настя сказала: «Обоих поминай за упокой».

Много ходило к Настеньке народу во время войны. Много было вдов. Вот собрались три соседки - узнать, что Настенька скажет. У одной из этих женщин - Нюры - муж погиб еще в финскую войну, но человек ведь живет надеждой.

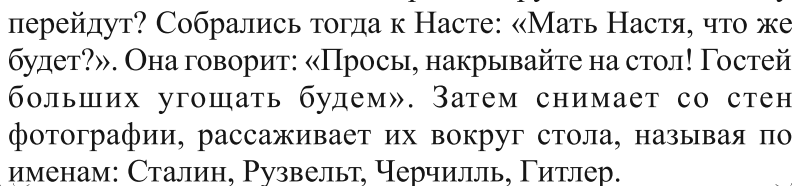
Когда двоим Настенька ответила на вопросы, то повернулась к Нюре, и говорит: «Что пришла про покойника спрашивать, его уже четыре года нет в живых, и ты об этом знаешь! У тебя мужа давно нет, и дочку скоро потеряешь...»

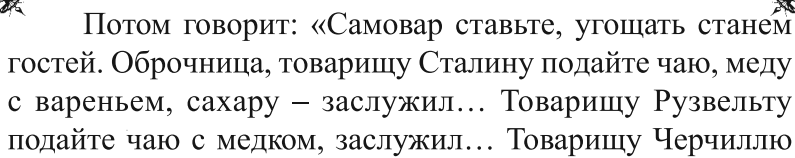
Действительно, дочка у Нюры вскоре умерла.

Вот что рассказывала одна женщина, знавшая Настеньку: «Помню пришла я к старице со своей сестрой, которая очень болела. Не успели мы порога переступить, как Настенька говорит: «Вот и сестрички пришли». Мне позволила остаться и разрешила еще приходить, а сестре велела уйти. Я заплакала, спрашиваю: «Почему не хочешь, Настенька, сестре моей помочь, ей очень плохо». Старица ответила: «Болезнь ей - за грехи, пусть у Господа прощение просит».

В другой раз пришла я к Насте узнать о своем без вести пропавшем на войне брате. Положила Настенька на стол продукты, что я ей принесла, да посыпала все золой из печки. Значит, не нужна ему больше пища, убит он. Так оно и оказалось - похоронка позже пришла.

Во время войны, перед Сталинградской битвой, многие люди были в страхе: вдруг немцы за Волгу перейдут? Собрались тогда к Насте: «Мать Настя, что же будет?». Она говорит: «Просы, накрывайте на стол! Гостей больших угощать будем». Затем снимает со стен фотографии, рассаживает их вокруг стола, называя по именам: Сталин, Рузвельт, Черчилль, Гитлер.

Потом говорит: «Самовар ставьте, угощать станем гостей. Оброчница, товарищу Сталину подайте чаю, меду с вареньем, сахару – заслужил... Товарищу Рузвельту подайте чаю с медком, заслужил... Товарищу Черчиллю подайте чаю с сахаром... Гитлеру подайте чаю...» Да тут взяла Настенька, да перевернула чашку, приговаривая: «Он напился - нет ему больше чаю!».

Камьнукова А.В. из деревни Лученцово во время войны ходила узнать, вернется ли муж с фронта. У нее было четверо детей. Настенька сказала ей: «Как затопишь баню, да выстираешь мужу рубаху, так он и придет». И действительно - пришел мужик с войны.

Когда шла война, *Комелова А.В.* пошла к блаженной Анастасии спросить про сыновей, придут ли они с войны домой.

У Комеловой была дочь Таня - в годах, но не замужем. Получила Комелова по карточкам три селедки, да и говорит дочке: «Возьму я все три селедки, да и отнесу Настеньке. Пусть помолится она за моих сыновей». Татьяна возразила: «Отнеси две. Одну мы съедем». Но мать настояла на своем и пошла к Насте, узнавать про судьбу сыновей.

Спросила Комелова, что было нужно и, довольная ответом, положила на стол селедки. Мать Настя посмотрела на угощение, оставила две селедки на столе, а третью бросила под порог со словами: «Отнеси своей дочке, она у тебя вековая! Пусть и ест эту селедку всю жизнь». И действительно: одинокой женщине жизнь - не сладкая.

Осипова М.И. (г.Вязьма, Красноармейское шоссе):

«Во время войны мой отец был призван в ряды действующей армии. Мы получили от него одно или два письма. Когда Вязьму заняли немцы, связь с отцом прекратилась. После освобождения Вязьмы мы по-прежнему не получали от отца никаких известий, ничего о нем не знали. В то время к старице Настеньке шло очень много народа, чтобы узнать о судьбе своих близких, да и по многим другим причинам. Пошла к старице и моя мать. Когда мама вошла в комнату, Настенька только быстро взглянула. Мама спросила: «Настенька, жив ли мой хозяин?» Старица взялась за правую руку и стала ходить по комнате, приговаривая: «Нет у Настеньки правой руки».

Все стало понятно.

И все же через некоторое время мама во второй раз пошла к старице с тем же вопросом. Когда собиралась, хотела что-то снести в гостинец. Время было тяжелое, особенного ничего не было. Мать хотела взять немного сахара (может 2-3 кусочка), а потом решила, что этого очень мало, нужно - лука взять. Брат мой посоветовал, что хватит и сахара, зачем лук еще брать: как бы пожалел лука.

Приходит мама к старице, спросила о хозяине и добавила: «Настенька, я сахарку тебе принесла» Старица посмотрела и сказала: «Сахарку принесла - садись. Давай помянем Ивана». Моего отца звали Иван, хотя мать имени его не называла. Потом Настенька и говорит: «Ах, балбес, лука пожалел! На печке - целый мешок лука...».

По истечении некоторого времени мы получили извещение, что отец погиб в сентябре 1942 года, в Калужской области. Мы ездили туда с братом.

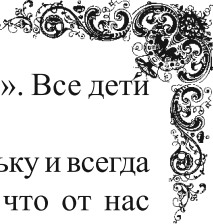
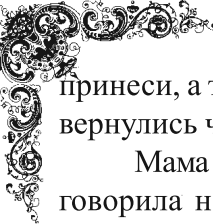
Сестра моего мужа - Мария, занесла кошку из своего дома в неопределенное место и через несколько дней по какому-то вопросу пошла к Настеньке. Старица сразу Марию спросила, зачем она хозяйку из дома выгнала. Предварительно Мария ей о кошке ничего не говорила.

Кочкина П.Ф. ходила к матери Насте, когда шла война. Пришла спросить, придет ли сын Коля с войны. Как гостинца принесла Настеньке хлебушка. Настя взяла хлеб, порезала его на маленькие кусочки, и говорит: «Оставь хлеб у себя, а то тебе помянуть не чем будет». Сын Кочкиной с войны не пришел, муж ее умер; умерла и она, после умерла дочь, и действительно поминать их было некому.

Со слов Анны Антоновны Митенковой (1927 года рождения, из деревни Мартюхи):

«Когда освободили Вязьму, мама моя - Мавра - по весне пошла к Настеньке узнать о детях: двух моих сестер и брата угнали в Германию немцы. Пришла мама в Старую деревню, там тогда Настенька жила, села на крыльчке, ждет, когда можно будет в дом зайти. А уже тепло было, окно - чуть приоткрыто. Слышит мама, что Настенька как бы сама с собой разговаривает: «Чево пришла, подождать не может, села бы да пила чай...»

Тогда мама зашла в дом и спросила: «Мать Настенька, вернутся ли мои трое деточек, немцы их угнали с собой?» Та посмотрела на маму и говорит: «Не трое, а двое девок и сын... Вернутся к Спасу... А ты мне кусочек белого сахара

принеси, а то вот мне сахар несут, да все серый». Все дети вернулись через год, в конце августа.

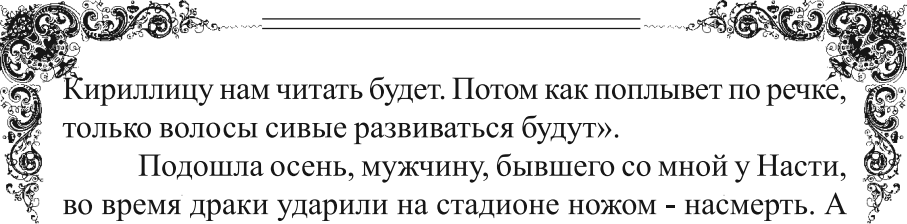
Мама моя очень почитала матушку Настеньку и всегда говорила нам, что ей Господь открывает то, что от нас скрыто.

...После войны я работала санитаркой в Масловской больнице. Врач у нас была Клавдия Иосифовна, хорошая женщина. Ее младшего брата тоже немцы угнали в полон. Поехала доктор на лошади к Настеньке, узнать о судьбе брата. С доктором поехал наш завхоз. Он потом и рассказывал, что приехали в Старую деревню, остановили лошадь около дома, где была Настенька.

Доктор Клавдия Иосифовна на крыльце очереди ждет. Настенька выглянула в окно и говорит: «Ай, лошадь какая хорошая, на ней только в церковь ездить, а она душегубов возит»... Это Настенька указывала на аборт, которые врач делала.

Много женщин ходило к Настеньке, у каждого - свое. С раннего утра и до поздней ночи шли к ней люди. Особенно Настя ругала тех, кто делал аборт. Как она узнавала об этом? Неизвестно, но всегда таких женщин ругала и называла «душегубками»...

В мае 1950 года шла подписка на облигации, на восстановление и развитие народного хозяйства. Дошла я и до дома Любы Маликовой, где жила Настенька, со мной был представитель подшефной организации. Ему очень хотелось посмотреть на блаженную Настю. Зашли мы в дом. Вышла Люба, за ней мать Настя, да и говорит хозяйке: «Гони, проса, этого мужика, а то и нас побьют и зарежут»... А на меня посмотрела и сказала: «Эта немного шалопутная, но ничего. В свой круг мы ее возьмем, она нам пригодится.

Кириллицу нам читать будет. Потом как поплывет по речке, только волосы сивые развиваться будут».

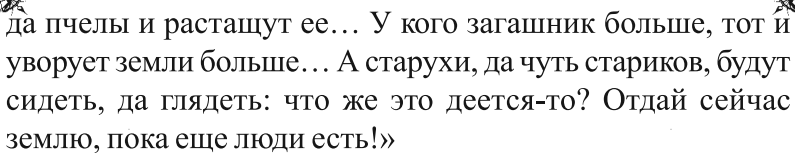
Подошла осень, мужчину, бывшего со мной у Насти, во время драки ударили на стадионе ножом - насмерть. А мне мама все приговаривала: утонешь ты в реке, не ходи туда купаться. Я не утонула, хотя 35 лет спустя мне пришлось работать на реке - в гидрометеобюро. Часто, особенно весной, приходилось плавать на лодке. Кириллицу я действительно знаю хорошо, читаю Псалтирь по умершему, когда просят, но плату не беру, это мой долг каждому.

Вязьмичка с улицы Орджоникидзе рассказывала, как она ходила к старице спросить, как ей быть. Женщина эта делала аборт. Старица сама узнала об абортах и сказала: «Молись, молись Божией Матери».

В 1949 году обмеряли в деревне усадебные участки, дошли и до дома Маликовой Любы, где жила Настенька.

Вышла Настенька на крыльцо посмотреть, ведь это мероприятие спокойно в деревне не проходило. Хозяйка говорит: «Настенька, земляшку меряют. Отрезать, наверное, хотят».

Настя отвечает: «А зачем землю резать? Как Господь послал нам, так пусть и будет. Вот придет Емелька Россией управлять, языке длинный голова дегтем мазанная, да Еремка-бык, вот и начнут землю продавать, коней железных к стенке поставят. А налетят на землю эту мухи,

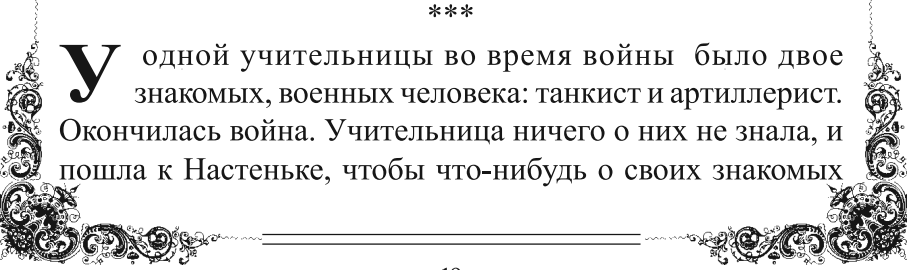
да пчелы и расташут ее... У кого загатник больше, тот и воруует земли больше... А старухи, да чуть стариков, будут сидеть, да глядеть: что же это деется-то? Отдай сейчас землю, пока еще люди есть!»

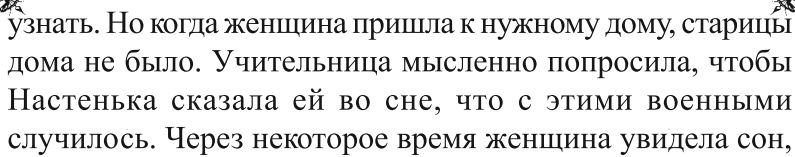
В 1949 году сын Любы Маликовой - Дмитрий Владимирович - работал в райзо, землеустроителем. А мы, пять девчонок работали с ним. И вот однажды закончили основные границы размежевания с другими колхозами. Осталось вдоль железной дороги границы сделать, но Дмитрий Владимирович сказал нам, идите, мол, пообедайте, а после обеда закончим этот участок. Все измерительные приборы оставили около дома начальника.

После обеда мы пришли к дому Маликова, собираем все что надо.

Выходит Настенька и говорит: «Куда вы неразумные, куда вы идете? Ничего не выйдет, идите домой». А нам интересно посмотреть на нее, стоим да смеемся. А Дмитрий Владимирович говорит нам, что, мол, старуху не видели. Мало ли что она будет вам говорить. Пошли мы работать, стали землю мерить. Приходит железнодорожный мастер, Симачев Ф.И. и объясняет нам, что эта полоса относится к железной дороге. И все наши измерения - напрасные. Вот смеху-то было!

У одной учительницы во время войны было двое знакомых, военных человека: танкист и артиллерист. Окончилась война. Учительница ничего о них не знала, и пошла к Настеньке, чтобы что-нибудь о своих знакомых

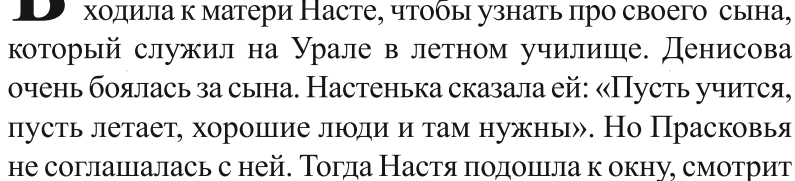
узнать. Но когда женщина пришла к нужному дому, старицы дома не было. Учительница мысленно попросила, чтобы Настенька сказала ей во сне, что с этими военными случилось. Через некоторое время женщина увидела сон, что танкист сгорел в танке, а у другого военного дом - полная чаша (значит, есть семья).

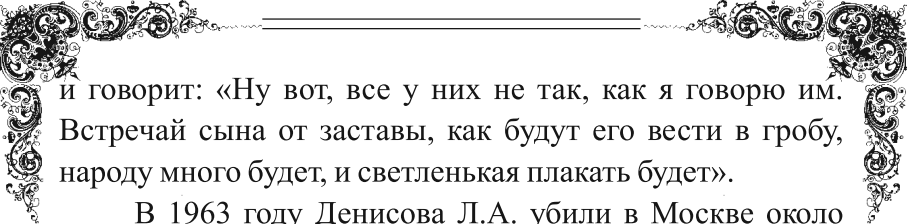
В 1945 году *из деревни Лученцово пошла Исаева В.В.* к Настеньке спросить, вернется ли сын из Москвы. Настя поясняет: «Вернется твой сын, куда он денется, такие ни врагу, ни Богу не нужны».

Подошла Настенька к окну, сломала два куста герани и дает женщине: «На тебе цветы. Каждый сломай на двое, посади дома в банки и поставь на окно. Пусть люди идут мимо твоего дома, да и отворачиваются»

Дочь Исаевой - Елена была в 1945 году осуждена по ст.58 и отсидела два срока, а сын Володя сидел за мошенничество и тоже не один срок. Вот молодость-то свою (цветы) они и отсидели в тюрьме. Люди проходили и отворачивались от их дома. В 1961 году Володя Исаев повесился.

В 1958 году *из Старой деревни Прасковья Денисова* ходила к матери Насте, чтобы узнать про своего сына, который служил на Урале в летном училище. Денисова очень боялась за сына. Настенька сказала ей: «Пусть учится, пусть летает, хорошие люди и там нужны». Но Прасковья не соглашалась с ней. Тогда Настя подошла к окну, смотрит

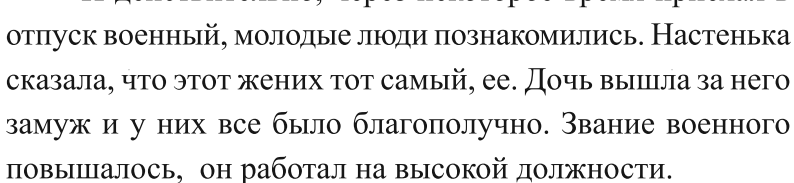
и говорит: «Ну вот, все у них не так, как я говорю им. Встречай сына от заставы, как будут его вести в гробу, народу много будет, и светленькая плакать будет».

В 1963 году Денисова Л.А. убили в Москве около здания МИИТа, где он учился, бросив летное училище.

Женщина из Старой деревни рассказывала, что у нее было кровотечение и ее направили в больницу. Только прежде, чем идти в больницу, она зашла к Настеньке, чтобы ей об этом сказать. Настя отвечала: «Не пойдешь в больницу». И повторила это несколько раз, хотя у женщины уже было направление. Старица прикоснулась рукой к животу женщины, помяла его, и сразу остановилось кровотечение. Женщина почувствовала себя хорошо, не пошла в больницу и все обошлось.

У одной женщины из той же деревни была дочь, к ней сватались несколько женихов, и каждый раз мать приходила к Настеньке за советом. Старица говорила, что это не ее женихи, вот придет военный, вот это будет жених ей.

И действительно, через некоторое время приехал в отпуск военный, молодые люди познакомились. Настенька сказала, что этот жених тот самый, ее. Дочь вышла за него замуж и у них все было благополучно. Звание военного повышалось, он работал на высокой должности.

Когда старица жила на квартире в Вязьме, у хозяев был сын лет десяти. Когда мальчик причесывался перед зеркалом, старица говорила: «Командир, командир». И он действительно стал командиром, военным, дослужился до высокого звания.

Сын отца Павла, который служил в Никольской церкви, что была на углу Смоленской и Духовщинской улиц, в 1991 году в возрасте 80 лет приехал в Вязьму. В тот год на Светлой седмице он рассказывал автору этих строк, что однажды, когда был еще юношей, шел к своему дому на Гражданской, около Иоанно-Предтечева монастыря. Навстречу юноше - Настя с большими узлами.

Сын отца Павла спросил: «Мать Настя, скажи мне, сколько я проживу?». Старица остановилась, посмотрела и говорит: «Сто лет». И пошла дальше.

На восьмом десятке сын отца Павла, чувствовал себя хорошо. На вид ему можно было дать не более шестидесяти лет. Он был уверен, что проживет столько, сколько ему предсказала мать Настя.

Одна женщина пришла к Настеньке в Старую деревню за советом. Подошла к дому, взялась за калитку, чтобы войти во двор, заполненный народом... А блаженная сама выбежала на крыльцо и закричала обращаясь к ней: «Уходи! Иди домой!». Бедная женщина, глотая слезы от стыда за прилюдное изгнание, всю дорогу назад бежала и собиралась дома нареветься всласть. А когда показалась ее

деревня, увидела она над ней всполохи пожара. Горел дом ее соседа, промедли она у Настеньки, что было бы с ее домом и двумя оставшимися там малыши детьми?!

Денег от людей Настенька никогда не брала. Приношения принимала тоже не от всех, а что принимала - тут же и раздавала, оставляя себе самую малость.

Ничего старица не говорила прямо, а все иносказательно или каким-то действием, смысл которого человек должен был угадать своим разумением. Так учила она видеть людей не глазами, а внутренним духовным зрением.

27 мая 1959 года, вечером, около девяти, легла Настенька на пол. Обложила себя иконами, а икону Тихвинской Божьей Матери к груди приложила: «...А с этой будем отходить».

У нее спрашивают:

- Настя, может батюшку пригласить?

- А какого? – вопрошает она в ответ.

- Да хоть бы отца Николая, - это был настоятель Вяземского собора, который потом ее и отпевал.

- Да какой он батюшка, - говорит Настенька, - еще смерть не преподал бы нам...

И повернулась на бок...

Ей пели «Иже Херувими, Христос воскресе, Тело Христово примите...»...

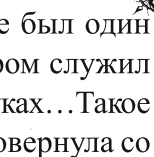
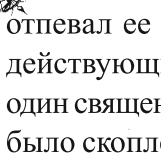
Настя отходила в полном сознании, с молитвой и иконой Тихвинской Божьей Матери на груди.

Анна Антоновна Митенкова шла утром на работу и узнала, что Настенька умерла. Из дома, где лежала покойная, вышла хозяйка и сказала, что умерла мать Настя. «Сказать честно, я покойников боялась, - рассказывала Анна Антоновна, - но мне неудобно было отказаться, вошла в дом. Лежала Настенька на столе, еще без гроба... Под образами горела лампадка, и почему-то все хотелось смотреть на Настю... Шло от нее какое-то умиротворение. Лицо у нее было спокойное и хорошее, но с желтизной. Лучи от лампадки как будто сливались с лицом... Уходить не хотелось, только нужно было спешить на работу».

Когда хоронили старицу Анастасию, гроб ее один военный нес от самого дома до Екатерининского кладбища, километра четыре. Он специально приехал из Москвы на похороны. Говорил, что Настенька его сына исцелила, у которого так болели ноги, что он не мог ходить. На похороны он приехал вместе с сыном. Этот военный потом и крест железный на могилу поставил с лампадой.

Старица перед смертью все наказывала, чтобы ящик ее берегли. Думали, что она говорила о сундучке, в котором ее пожитки хранились, а она говорила о своем гробе.

На похоронах Настеньки собрался весь «мир».

отпевал ее отец Николай (в то время в Вязме был один действующий храм - Троицкий Собор, в котором служил один священник). Всю дорогу несли гроб ее на руках... Такое было скопление народа, что когда процессия повернула со старой Смоленской дороге к Екатерининскому кладбищу, то люди в конце процессии только входили на мост через реку Вязму, а это расстояние - больше километра.

Все хотели проститься с блаженной старицей, тянулись к гробу, чтобы хоть коснуться его рукой. Вот и слова Настеньки - берегите мой ящик, чтобы не перевернули в толпе, сбылись.

Могила блаженной Настеньки находится за Екатерининской церковью, что на кладбище.

На могилу был поставлен ее любимый образ Тихвинской Божией Матери, но потом неизвестно кто взял эту икону.

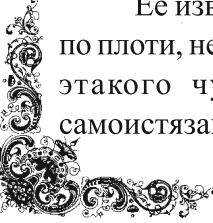
Все упование блаженная старица Анастасия возлагала на Матерь Божию, на первую нашу Ходатаицу и Предстательницу перед Господом.

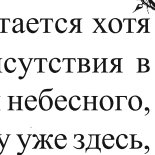
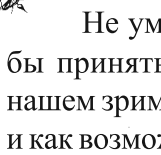
Ну, так в чем же блаженство этой странной, необычной для нашего понимания женщины, прожившей долгую жизнь и не нажившей ничего, что так ценит мир?

Ни богатства, ни знатности, ни даже крыши над головой!

Кто из нас нищенство, неприкаянность, непонимание и насмешки может счесть благом, тем более - блаженством?

Ее известность в народе? Но и она для нас, живущих по плоти, несет на себе оттенок некой предосудительности, этакое чуждого для нас юродства, непонятого самоистязания и самоограничения.

Не умеющим всего этого понять, нам остается хотя бы принять ее жизнь, как свидетельство присутствия в нашем зримом земном мире мира невидимого и небесного, и как возможность приобщения к запредельному уже здесь, на грешной земле.

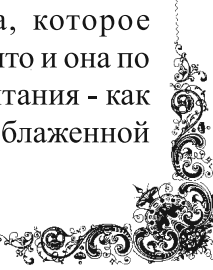
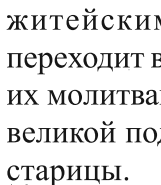
Только нужна для этого самая малость - вера во Творца и упование на Него. Жизнь по Его заповедям.

Из истории Вязьмы мы знаем, что некогда (неофициально) город был столицей Российского государства - в нем жил царь и его семья и патриарх. Нкогда и Петербург видел великую подвижницу Ксению, которая внесла особый колорит в духовную жизнь горожан. По ее смерти Петербуржцы обрели ее священную могилу тем местом, где изливалась душа страждущая и скорбящая, получавшая здесь неоскудевающую помощь. Неразрывная и непрекращающаяся связь блаженной с притекающими к ней и до ныне пребывает.

Так и в Вязьме, есть подобная священная могила блаженной старицы Анастасии. Живет ее светлый образ в памяти вязьмичей, который они хранят и передают из поколения в поколение.

Собирая эти воспоминания, автор уповал на то, что бы не иссякла память о блаженной, чтобы православные люди помнили и чтили ее светлую память.

Нет такого дня, чтобы кто-нибудь не приходил к матери Настеньке на могилку. Приходят с разными заботами житейскими или просто из любопытства, которое переходит в веру. Верят в святость Настеньки, что и она по их молитвам удостоится общецерковного почитания - как великой подвижницы Христа ради юродивой, блаженной старицы.

Старица Анастасия Вяземская

Владимир Цуканихин

ПАМЯТЬ О НАСТЕНЬКЕ ЖИВЕТ

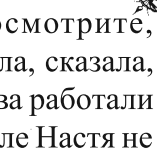
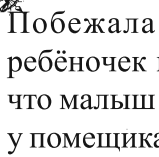
Могила блаженной старицы Анастасии находится на Екатерининском кладбище. Это место паломничества для жителей Вязьмы, а также ближних и весьма отдаленных ее окрестностей...

Родилась Анастасия, прозванная в народе блаженной, ещё в середине XIX века; прожила, по преданию, далеко за сто; называют и конкретную цифру - 117 лет. Место рождения - деревня Минино (в просторечии Мининка) Великопольской области Вяземского уезда Смоленской губернии. На современной карте это недалеко от Волосты Пятницы.

Биографию Анастасии полнее всего можно представить со слов Евдокии Кулешовой. Она, в свою очередь, основывается на рассказах матери – Веры Кулешовой:

«У отца Настеньки было пять братьев. Занимались земледелием - сеяли пшеницу, рожь, держали скотину, а зимой валили и сплавляли лес. Отец Насти был жестоким человеком, мать обижал и бил, поэтому после Настеньки дети рождались мёртвыми. Когда ей было девять лет, отец погиб при заготовке леса. Мать была в то время беременна, узнала о смерти кормильца, и у неё начались преждевременные роды. Мать умерла, и умер этот ребёночек; Настенька осталась совсем одна. Дядья всё хозяйство поделили между собой, а девочку отдали в няньки чужим людям.

Однажды был случай. Подошла Настя к люльке покормить маленького ребёнка, а он оказался мёртвым.

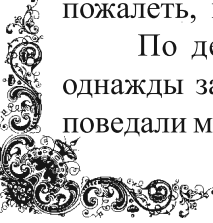

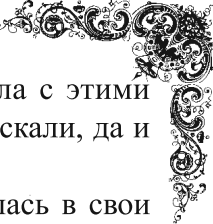

Побежала девчонка к соседке: идите, посмотрите, ребёночек вроде бы не живой. Соседка увидела, сказала, что малыш умер, и послала за хозяйкой. Хозяева работали у помещика в соседней деревне. До хозяев в поле Настя не добежала, в это время была сильная гроза и дождь. Настеньку оглушило грозою, и она упала. Когда очнулась, в её руке была трава и цветы полевые. Вернулась домой, положила ребёночку эти цветы около головки. И видимо, у неё было оглушение такое, спать ей хотелось, она легла и заснула. Пришли хозяева с работы, посмотрели - ребёночек был живой».

Воскрешение младенца относится, ко времени ещё крепостного права, теперь невозможно определить: миф это или достоверность. Но есть ли необходимость? Вера в чудотворные способности блаженной питаема всей жизнью последующей, её служением Богу настолько большим, что вопрос "было ли" становится несущественным. Итак, ребёночек был живой. Что Настенька спала, поругались, конечно, но осталась девчушка там жить и дальше.

Только Настя постоянно скучала по своим родителям. По матери, по отцу плакала, и решила приемная семья отправить девочку подальше от родных мест, к каким-то знакомым в Спас-Деменский. Там Настя жила неплохо, хозяева были хорошие. Так прожила девочка лет до четырнадцати. Но у хозяев были сыновья, и они стали приставать к Настеньке. Девочка была беззащитная, ни пожалеть, ни заступиться некому.

По деревням тогда часто ходили богомольцы, и однажды зашли в дом, где жила Настя. Заночевали там, поведали множество историй про святые места. Настенька

прониклась и на другой день незаметно ушла с этими людьми. Хватились, что её нет, поискали, поискали, да и забыли.

Прошло около сорока лет. Настя вернулась в свои места, но её уже никто не узнавал. Она спрашивала про дядей, отцовых братьев - про дядю Матвея, дядей Игната и Демида. Но их уже давным-давно не было на свете.

Однажды бабки свели её на кладбище, показали могилки всей родни. Она сказала:

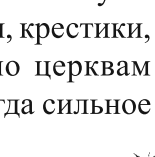
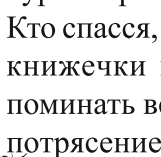
- Это одни греховодники, а не родня.

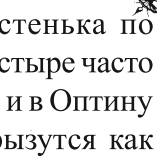
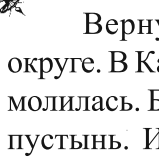
Ну, наверное, так и было. И она даже не подошла близко к могилке, с этим и ушла. Может, нажитое ими было нечестным трудом? Бог их знает...

И стала она рассказывать о странствиях с богомольцами по всей России. Была даже в пещерах киевских, и часто рассказывала о Владимире, который крестил Русь. Много прошли по свету; их встречали радостно, они несли вести про чудеса святые. Сходилось много народу послушать, их кормили, этим богомольцы жили. Рассказывала, что была она в монастырях на озёрах и реках. Там они оставались подолгу - работали, молились, потом шли дальше.

Как-то добрались до острова Валаама. Там жили и работали несколько лет. Потом отправились домой. Родные места Настеньку к себе тянули, звали.

Когда переплывали с острова на материк, их застала буря. Корабль разбился о камни, и много людей потонуло. Кто спасся, ходили по берегам; собирали иконы, крестики, книжечки и отправились по монастырям, по церквям поминать всех утонувших. Настя пережила тогда сильное потрясение.

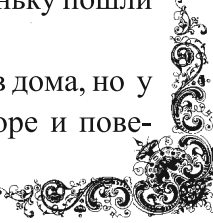

Вернувшись в свои места, ходила Настенька по округе. В Касне, в Новотроицком женском монастыре часто молилась. Была в Тихвинской пустыни, ходила и в Оптину пустынь. И всё говорила: скоро люди перегрызутся как собаки, народ злой становится. Так продолжалось до начала советской власти.

В конце двадцатых годов донесли на Настеньку в ГПУ, что она агитатор: иконы по деревням разносит и литературу, что выступает против советской власти. В деревне узнали и спрятали Настю в овин. Но всё-таки пришли из ГПУ, нашли Настеньку в овине, всё отобрали, что было в котомках, побили её, повесили замок и ушли. Тольке люди к Насте потихонечку ходили, носили поесть. Это произошло осенью, но ещё тепло было.

Избиение Насти сотрудниками ГПУ можно назвать ключевым моментом: она обретает свойства из области парапсихологии. Вернее, окончательно обретает, ведь можно считать толчком к ее видимому преображению трагедию по пути с Валаама, когда озёрная пучина поглотила близких людей - почти семью. После перенесенных потрясений Настеньке открылась духовная сущность людей.

Однажды пришли, а Насти в овине нет. Как она ушла, как вылезла, один Господь знает. Оказалась Настенька в беспамятстве в овраге, в лесу. Потом почувствовала, кто-то лижет ей лицо и руки; очнулась... А перед ней – волк, тоже раненый. Посидели они рядом, да потихоньку пошли дальше.

Настеньку опять стали пускать ночевать в дома, но у неё появилась некая странность: в её разговоре и пове-

дени. Настя стала говорить как-то иносказательно. И всё сбывалось.

Первое свидетельство ясновидения, относящиеся по времени к Первой мировой войне, даёт Любовь Николаевна Денисова:

«У меня папа начал служить с 1905 года, ещё на японской войне был моряком. Служил на корабле "Святой Гавриил". Вернулся с войны, у него два креста было, солдатам давали, когда император встречал - в Севастополе или в Одессе. Потом папа женился и вскоре на германскую ушёл - был это 1914 год.

Однажды Настенька у нас ночевала. Поужинали, дома бабушка и мама с ребёнком, сестрой моей старшей. Мама сидит, кормит девочку грудью; вдруг Настя слезает с печки, берёт скамейку, да как замахнётся на маму. Мама наклонилась, маленькую собой закрыть, а свекровь вскочила:

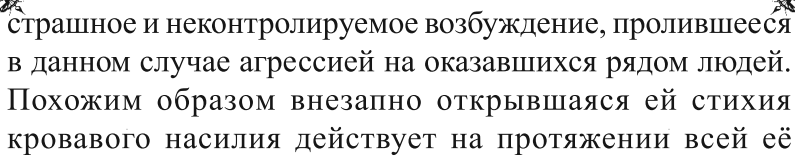
- Настя! Ты что, с ума сошла? Что ты скамейкой размахиваешь – видишь ребенка кормят.

- А всех побьют, всех покалечат!

Бросила скамейку и к соседям прибежала: а-а вот у Исаевых всех бьют, режут, и меня чуть не убили. Соседкин муж, Иван спрашивает: «Кто там кого бить-то будет? Одна старуха старая, да Варя-невестка с ребёнком. Отец-то на войне».

Потом время прошло, стало известно, отец мой раненый был в эту пору».

Настенька, имея способность ясновидения в первое время не вполне, можно сказать, владеет его результатами. Подпав под власть кровавого видения, испытывает

страшное и неконтролируемое возбуждение, пролившееся в данном случае агрессией на оказавшихся рядом людей. Похожим образом внезапно открывшаяся ей стихия кровавого насилия действует на протяжении всей её жизни. Видимо, чтобы ослабить ужас видения, для снижения порога страданий собственных, производит своеобразную инверсию воздействия - стремится погасить личной агрессией. Ещё одно трагическое видение Любовь Денисова описывает как свидетель:

"50-й год. Я комсомолка была, бригадиром в колхозе работала. А тогда все подписывались на заём. Представитель был, начальник участка в локомотивном депо, мы с ним пошли подписывать по домам. И вот этот представитель сказал:

- Люба, в этой деревне какая-то бабка живёт. Её моя тёща знает. Хочется посмотреть.

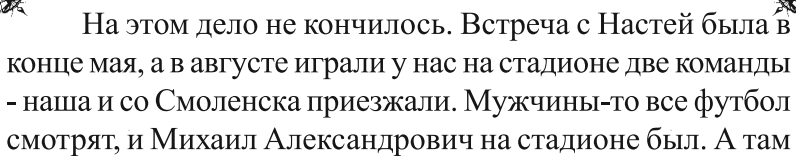
- Михаил Александрович, дойдём до этого дома - посмотришь. Может и поговоришь.

Улица, где она жила, называлась Сарафановка. Подходим к этому дому, народ сидит. Заходим, а там женщины: вот, без очереди! Я сказала: "Нам Настенька не надо, мы к хозяйке".

Постучали, Михаил Александрович дверь распахнул, заходит, я за ним. И тут выходит Настенька. Смотрит, смотрит на нас, потом кругом обернулась:

- Ой, убьют, зарежут!.. Надо их выпроваживать - побьют, а то и зарежут.

У него глаза остановились, как-то оторопел, смотрит. А я к стенке прижалась, мне так неудобно: как это убьют-зарежут? Хозяйке объяснила, зачем пришли, дала нам денег, пошли дальше.

На этом дело не кончилось. Встреча с Настей была в конце мая, а в августе играли у нас на стадионе две команды - наша и со Смоленска приезжали. Мужчины-то все футбол смотрят, и Михаил Александрович на стадионе был. А там драка из-за чего-то завязались. Он разнять хотел; один с ножом был, как ударил его в спину, так и убил".

Вспоминая о блаженной старице, *Меренкова Валентина Тимофеевна* даёт своего рода расшифровку некоторых её иносказаний.

Если к Настеньке приходили за советом, и она подавала чай, это означало: быть добру. А когда подавала кисель, надо знать, что в доме пришедшего человека будет покойник. Если сажала кукол – дело шло к свадьбе. Если бить начинала посетителя, то это было совсем хорошо, так Настя из человека выбивала боль.

Когда она говорила: "Настеньке некогда, Настеньке некогда", следовало скорее уходить; это тем, кто роптали и недооценивали её способности в лечении или в предсказаниях.

Впрочем, в большинстве случаев, как дальше убедимся, прорицала она прямым текстом.

Продолжим биографию Анастасии в изложении *Кулешовой Евдокии*:

«Однажды Настя ночевала у хозяина. Волк был около дома, сторожил её, а хозяйские собаки сильно беспокоились. Хозяин вышел и застрелил волка. А когда зашёл в дом, Настенька сказала:

- Ты убил не волка, ты убил человека. Скоро вы все перегрызётесь, друг друга убивать начнёте.

Хозяин дал ей двух щенков, и ушла она от них. Ходила Настя всегда с узлом и с иконой Тихвинской Божьей Матери - за пазухой на тесёмочке. С иконой этой жила, и до смерти это была самая любимая её икона. Так Настенька с двумя собачками всё кружила по деревням около Вязьмы, до самой войны».

Перебирая Настины пророчества, приходишь невольно к мысли: всё было предначертано. Продуман распорядок действий, и неотвратим конец пути... Случаются у неё попытки трагедию именно отворотить.

Любовь Денисова:

«41-ый год, октябрь месяц. Мимо Настеньки шла женщина с детьми - одного на руках несла, а двое так бегут: мальчик и девчоночка побольше. Настя ей говорит:

- Куда ты идёшь, куда-а? Вернись, неразумная, вернись.

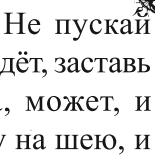
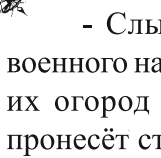
- Я хлеб посадила в печку, - отвечает женщина, - пришла свекровь отведать. Хлеб вытащу, и опять сюда.

- Хлеб твой есть некому будет. Вернись!

Не послушала, пошла. Детей отвела в окопы, сама домой, хлеб из печки вытаскивать. Взяла две ковриги под мышку, так вот, в телогрейке была, идёт, и вдруг снайперская пуля раз - и готова, женщину насмерть».

Пророчество послевоенное – рассказала *внучка Марии Бавриной*. Место трагедии, кажется, небо над аэродромом п. Вязьма-Брянская:

"В начале пятидесятых годов Баврина Мария пришла к Настеньке спросить совета, выходить дочке замуж за военного или нет. Настенька посмотрела в окно, вышла в коридор, приходит в дом, да и говорит:

- Слышите? Ухает опять, как бомба... Не пускай военного на работу, пусть у вас побудет. Как придёт, заставь их огород копать. Пусть работают дотемна, может, и пронесёт стороной. Дочке скажи: повисни ему на шею, и живой останется.

Вернулась домой, дочке рассказала. Пришёл Гриша, попили чаю, и Маруся попросила их покопать в огороде. Но вечером явился ординарец: срочно в полёт. Кого-то нет, нужно заменить.

Гриша отказаться не мог. Полетел, с полёта уже не вернулся. Так и погиб».

Попытка участия есть, но неотвратимость бед часто делает её бессильным наблюдателем. Хотя в записях Осиновой М. И. можно найти примеры успешного вмешательства блаженной:

«Одна женщина пришла к Настеньке в Старую деревню за советом. Подошла к дому, взялась за калитку двора, заполненного народом. Блаженная сама выбежала на крыльцо и закричала ей:

-Уходи! Иди домой!

Бедная женщина, глотая слёзы от стыда за прилюдное изгнание, назад бежала, чтобы дома нареветься влать. Когда показалась её деревня, увидела всполохи пожара. Горел дом её соседа. Промедли она у Настеньки, что было бы с её домом и двумя оставшимися там малыши детьми?!»

Как видим, пророчества - даже благие - Настя не стремилась облечь в умильные формы; находясь во власти видений, подавала их, не заботясь о красоте «упаковки».

На поверхностный взгляд может возникнуть впечатление, что абсолютного бескорыстия в Настеньке

не было. Случались у неё, очевидно, маленькие слабости.

Вот что вспоминает Бурова П. А., из С-Петербурга:

"Две подруги собрались поехать к блаженной. Одна решила свезти ей платочек. У неё их было два. Размышляла, какой взять. Приехали, она говорит:

- Настенька, я тебе платочек привезла. Та взяла платок в руки, смотрит его и приговаривает:

- А другой-то лучше".

Есть ещё примеры, но назвать их чистой корыстью было бы неверным. Тут нечто от обиженности ребёнка на недостаток к нему внимания - а она всю жизнь, и даже в сто лет, в душе была ребёнком. Кроме того, Настя понимала своё значение. Требуемый ею пиетет, пожалуй, прежде не к себе, а к силам, которые она представляет на земле.

Вспоминает Любовь Денисова:

«У нас в деревне работала почтальоном Иванова Евдокия, ходила мимо дома, где жила блаженная. Идёт однажды мимо дома и то ли не заметила, то ли не хотела ей поклониться - прошла мимо и всё. А Настенька быстро пошла ей наперерез да громко и говорит:

- Что такая гордая? И не поклонилась ты не мне. Господу поклонись. Ни детей наставить, ни сама помолиться не хочешь. Вспомнишь, как дети по тюрьмам ходить будут.

И правда, у неё три сына сидели за изнасилование. Упаси Господи».

Как бы то ни было, слабости Настеньки прощительные, тем более, что она тут же компенсировала их отдачей и полной раздачей всего, что у неё было. Подтверждений этому много.

По воспоминаниям Новиковой М. П.:

«Настеньку я знала со времени, когда мне было 6-7 лет. После войны было голодно, мама работала в колхозе, а, отец ещё не вернулся с войны. Тётя Люба Маликова сказала моей маме присылать меня к ней каждый день за едой (что оставалась от Настеньки и их семьи), чтобы нас, двоих детей, прокормить. К ним ходил ещё мальчик Вася; он жил рядом с их домом и старался придти раньше меня, чтобы мне меньше досталось. Настенька говорила:

- Сейчас девочка придёт, им есть нечего".

Полное бескорыстие блаженной находим в словах о ней Осиповой М. И.:

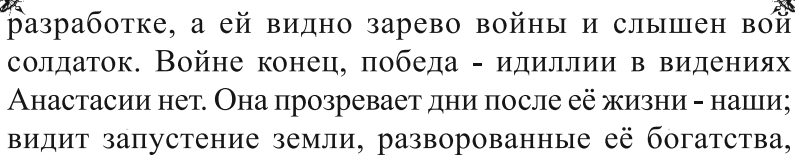
"Денег от людей Настенька не брала. Приношения принимала не от всех, а что принимала, тут же и раздавала, оставляя себе самую малость".

Ещё определённое характеризует это качество Анастасии Любовь Денисова:

"Не только советом помогала. Она же всё, что есть, раздаст детям. Мне кажется, досыта она никогда не ела. Хотя люди к ней ходили и приносили - кто что мог, то и приносили. Всё-всё отдавала вот этим детям-сиротам, она себе ничегошеньки не оставляла".

К ней шёл нескончаемый поток солдаток узнать, вернётся ли кормилец... Но чем могла Настя изменить их участь? Возможность взять у одних кусок, чтобы отдать детям других, была облегчением ей, не могущей изменить ничего. При том - видя всё. Смерть витает в отдалении, она уж знает, чьи дети осиротеют.

Ещё активисты не получили директивы по разрушению церкви - Настя видит низринутые колокола, выброшенные на улицу иконы. План Барбароссы в

разработке, а ей видно зарево войны и слышен вой солдаток. Войне конец, победа - идиллии в видениях Анастасии нет. Она прозревает дни после её жизни - наши; видит запустение земли, разворованные её богатства, заросшие поля...

«В 1949 году обмеряют в деревне усадебные участки. Вышла Настя на крыльцо, хозяйка ей:

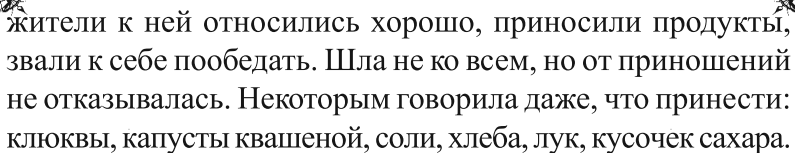
- Настенька, земляшку меряют. Отрезать, наверное, хотят.

- Зачем землю резать? Как Господь послал нам, так пусть и будет. А вот придёт Емелька Россией управлять - язык длинный, голова дёгтем мазаная, да Ерёмка-бык, вот и начнут землю продавать. Налетят на землю эту мухи, растащат её - у кого загашник больше, тот и уворует земли больше. Старики будут глядеть, что же это делается? Отдай сейчас землю, пока ещё люди есть!"

Рассказывает Львова Маргарита Семёновна:

«Родилась я в 1939 году в Вязьме. Отец Хлебородов Семён Васильевич был военнослужащий, а мама Хлебородова Анастасия Антоновна перед самой войной закончила Вяземский медицинский техникум. Когда началась война, мама была вынуждена переехать в д. Парфёново Бухоновского с/с к матери, т. е. к моей бабушке Васильевой Евдокии Павловне.

Мать Настенька часто бывала в шей деревне. Она ночевала не у многих людей, а у тех, которые, по ее словам, были богоугодные, значит добрые, не желавшие никому зла. Мои мама и бабушка рассказывали, что Настя любила ночевать и у них, и жила иногда долго. Я была маленькая и не помню её, но мама мне говорила, что она очень любила меня, сажала на колени и гладила по голове. Все

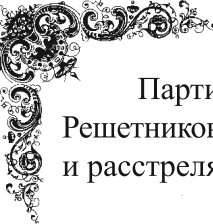
жители к ней относились хорошо, приносили продукты, звали к себе пообедать. Шла не ко всем, но от приношений не отказывалась. Некоторым говорила даже, что принести: клюквы, капуста квашеной, соли, хлеба, лук, кусочек сахара.

В нашей деревне немцы бывали часто: иногда жили недели две, одни приходили, другие уходили. Деревня была окружена лесом, многие парни и девушки стали партизанами. Немцы очень боялись партизан. Несмотря на это, деревня сожжена не была, все дома остались целы. И молодежь тоже Бог помиловал, никого в Германию не угнали.

Из рассказов взрослых помню такой случай. Старосте было задание: переписать всех, кто находится в партизанском отряде и кто помогает партизанам. Список уже был готов, осталось передать его в гестапо, что находилось в деревне Маслово.

Накануне Настенька приходила в деревню, попросила у мамы ручку, бумагу и что-то стала писать – непонятно что. Потом свернула эту бумагу, положила в карман и сказала, что ей командир приказал список людей написать. Потом долго сидела, достала этот листок и разорвала.

Через день или два ночью ворвались партизаны в дом старосты, потребовали приготовленный для гестаповцев список. Староста дверь не открывал, но ему пригрозили: не выйдешь, семью порешим. Тогда он дверь открыл и список партизанам отдал. Оказалось, что в списке были все, почти вся деревня. Была там моя мама и бабушка, мамины брат и сестра Аня, которая помогала партизанам. Ане исполнилось тогда 17 лет.

Партизаны пришли с командиром, звали его Алексей Решетников. Список разорвали, а старосту из деревни увели и расстреляли.

Помню второй случай. Во время войны от папы долго не было писем, и мама с другими женщинами пошла в Старую деревню к Настеньке узнать, что она скажет, посоветует. Когда мама спросила, поминать ли мужа или нет, то она ответила:

- Живых не поминают. Он одной ногой у нас в России, а другой – за границей.

Папа пропал без вести. Мы думали, что он погиб под Минском (д. Ратумка). С ним находился его младший брат Хлебородов Андрей Васильевич. Когда часть была окружена, то командир Коровин дал команду: спасаться, кто как может. Папа был заместителем командира части. Их осталось трое. Папа попрощался с братом и сказал:

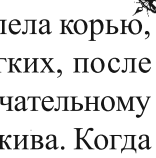
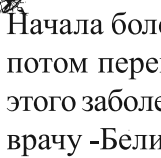
«Добирайся до дому, а нам нельзя. Ты знаешь, что это – трибунал». Отдал дяде Андрею документы. Андрей Васильевич дошел до дому, хотя пришлось ему трудно. Мы считали, что отец погиб под Минском или попал в плен.

Третий случай. От папы все не было вестей, и мама опять пошла к Настеньке. Она встретила маму хмуро, даже как будто плакала. Ничего не говоря, села за стол, нарезала бумажек из газеты, уложила их в виде костра. Потом зажгла эти бумаги, разбросала пепел и сказала: «Поминай».

Только в 1992 году узнали: отец умер в концлагере в Польше.

Четвертый случай. В 9-ом классе я очень болела.

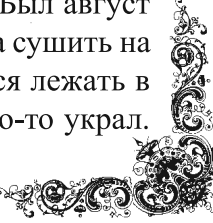
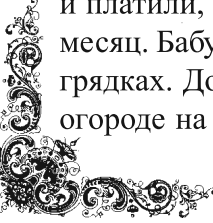
Начала болеть с декабря месяца. Вначале заболела корью, потом перенесла двустороннее воспаление лёгких, после этого заболела брюшным тифом. Благодаря замечательному врачу -Белицкой Анне Самойловне - осталась жива. Когда меня выписали из больницы, я была очень слаба. Весила 32 килограмма. В деревне считали, что я не выживу. Все приходили и приносили мне что-нибудь вкусное.

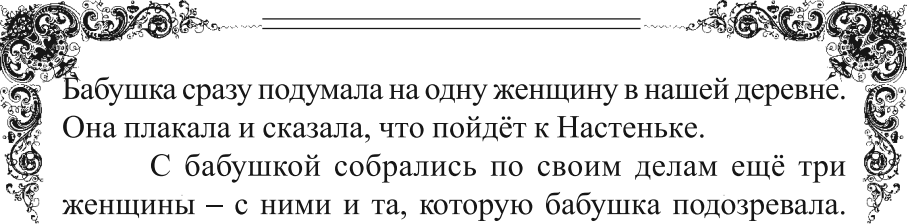
Мама опять пошла к Настеньке. Рассказала, что дочь болеет, и просила ее помолиться, чтобы Бог послал мне здоровье. Настя сказала ей, чтобы успокоилась: « Не надо плакать. Девочка выживет, после окончания учебы уедет за море. Потом выйдет замуж, будет двое деток. Ты ее оттуда не зови. Там ей лучше будет».

После этого села на скамейку, стала как будто детей гладить по голове и приговаривать: «Детки мои хорошие, сколько ж у меня вас много. Я всех люблю».

Все сбылось. Я действительно уехала (как бы за море). Закончила Боровицкое педагогическое училище Новгородской области. Работала в сельской школе в четырех километрах от озера Ильмень. Вышла замуж там же за деревенского парня. У нас было двое детей. Одна дочь умерла в возрасте 35 лет. Сама я 34 года работала с детьми. Их у меня действительно было много, и всех их помню, всех любила».

“Вот еще кое-что вспомнила. Было это в 1953 году. Бабушка посадила много гряд лука. Лук сдавали в магазин и платили, по тем временам хорошие деньги. Был август месяц. Бабушка лук весь выдернула и оставила сушить на грядах. Дождя не предвиделось, и лук остался лежать в огороде на ночь. Утром встала, а лука нет. Кто-то украл.

Бабушка сразу подумала на одну женщину в нашей деревне. Она плакала и сказала, что пойдёт к Настеньке.

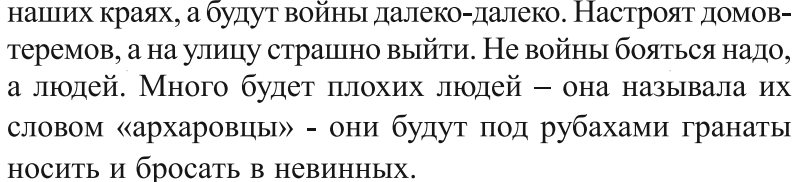
С бабушкой собрались по своим делам ещё три женщины – с ними и та, которую бабушка подозревала. Всего пять человек. Когда подошли к дому, Настенька смотрела в окно. Велела своей помощнице Любе, чтобы пропустила первых четырех женщин, а последней сказала, что Настенька принять ее не может. Только переступили порог эти четверо, она им:

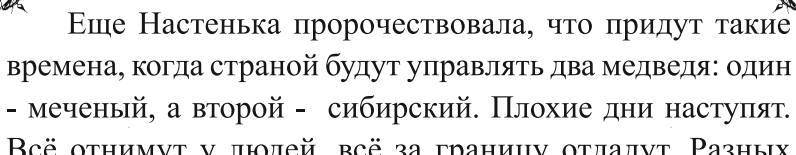
- Вора искать идут, а сами вора ведут! – А бабушке говорит. – Придешь домой, лук твой на месте лежать будет.

Та женщина, которую Настенька не приняла, сразу же поехала домой. Эти женщины все ночевали в городе и вернулись только на второй день. Лук лежал в огороде – был переброшен через забор. И все всё поняли».

Еще моя бабушка Васильева Евдокия Павловна мне рассказывала, как Настенька приходила в нашу деревню (Парфёново). Если у нее было хорошее настроение, то садилась около дома на скамейку и начинала рассказывать о своих странствиях, где бывала, что видела. Люди собирались со всей деревни послушать ее. Время послевоенное, возвращались домой солдаты. Она смотрела им вслед и говорила: «Вернулись защитнички наши. Только всё у них отберут», - так она повторила два–три раза.

Говорила Настенька, что войны больше не будет в наших краях, а будут войны далеко-далеко. Настроят домов-теремов, а на улицу страшно выйти. Не войны бояться надо, а людей. Много будет плохих людей – она называла их словом «архаровцы» - они будут под рубахами гранаты носить и бросать в невинных.

Еще Настенька пророчествовала, что придут такие времена, когда страной будут управлять два медведя: один - меченый, а второй - сибирский. Плохие дни наступят. Всё отнимут у людей, всё за границу отдадут. Разных товаров к нам привезут из-за границы, а люди ничего купить не смогут. Вместо денег бумажки станут давать. «Ох, наломают дров, другим правителям трудно будет в стране всё наладить», - вздыхала Настя.

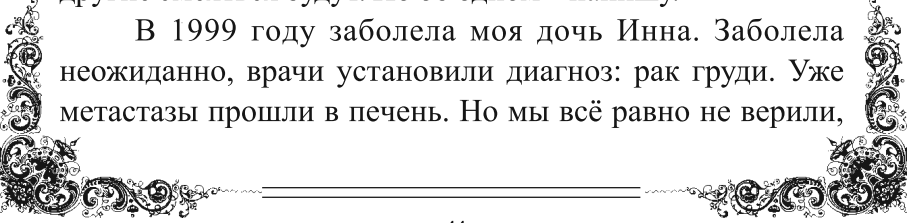
Говорила она, что коммунистам крах наступит в конце века. А когда ее просили о конце света что-нибудь сказать, Настя отвечала: «Молитесь! Молитесь! Конец света наступит, когда останутся на Земле одни безбожники. Не скоро это будет. Вначале Господь сделает предупреждение: пошлет темноту в середине светлого дня, а после уже все гореть будет. Людей мало останется. Уцелеют те, что будут жить в лесах дремучих да там, где снега не тают».

И всё время Настя говорила, чтобы люди молились, в церковь ходили.

Могилу Настеньки я посетила в 1961 году, мама уговорила. Сказала, чтобы я взяла камушек с её могилки и хранила его, а когда будет трудно, вспоминала о Настеньке. С тех пор, когда я что-то загадывала, то мысленно обращалась к ней. И много раз мне снились сны, где кто-то мне говорит, как поступать.

О снах я не хочу писать – это всё личное. Боюсь, другие смеяться будут. Но об одном – напишу.

В 1999 году заболела моя дочь Инна. Заболела неожиданно, врачи установили диагноз: рак груди. Уже метастазы прошли в печень. Но мы всё равно не верили,

что не удастся спасти. Врачи очень старались, дочь лежала в Смоленске, принимала химиотерапию. Я обращалась к Настеньке, чтобы помогла мне, ходила в церковь. Но в снах мне кто-то говорил: «Что судьбой предназначено, то и будет».

Иногда видела болото – там лежат люди. Одеjala у них из мха и к ним не добраться. Под одним «одеялом» лежала моя Инночка. Рвалась к доченьке, хотела дотянуться, а мне отвечают: «Туда пройти никто не может».

И ничто не помогло. Значит, и правда, судьба её такая.

Есть рассказ, как Настя помогает женщине, тоже исцеляющей односельчан – от «рожи», грыжи, вывиха... «Делай всё с благословенья Божия», - наставляла Настенька знахарку. Надо понимать, что старица именно так и поступала сама; более того, есть примеры, дающие основание полагать, что Насте ведомо: даёт Бог благословение или есть в этом сомнение. Если – нет, Настя могла быть жёсткой.

О наложении Настей епитимьи на «душегубку», рассказывает Любовь Денисова:

«В конце сороковых и в пятидесятых годах работала врач-гинеколог Котова Г., и у неё была подруга Петрова Маша. Котова и говорит подруге:

- Болит у меня живот. Чем только ни лечусь, ничего не помогает.

- Пойдём к Насте, - подруга предложила.

Это был 1954 год. Вот подходят они к её дому.

Блаженная говорит хозяйке:

- Прось, пусти-ка в хату двоих баб, у одной живот сильно болит. Пусть входит.

Хозяйка вышла на улицу, народу, как всегда, было много. И не знает, кого приглашать. А потом спрашивает:

- У кого сильно болит живот?

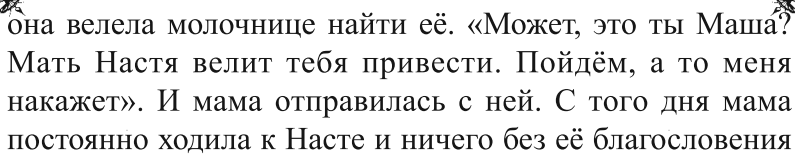
Тут они догадались, пошли. Заходят в дом, а блаженная смотрит на врача, да и говорит:

- Ну что, душегубка, пришла? Живот болит у тебя – это младенцы загубленные сосут твою кровь. Тебе от старого торжища до собора Троицкого нужно на коленях ползти, да сажён через двадцать останавливаться и по сотне поклонов делать да молитвы читать. А потом и мы поможем.

Как уж Котова на коленях не стояла, может не совсем всё исполняла, но вечером, чтоб никто не видел, она продолжала ходить так и молиться. А молитвы читала с листа, переписанные рукой. У неё было кровавое запорище – не знаю, как по медицине, - но всё прошло. После они долго ходили к Настеньке на могилку, благодарили её.

Случай, когда Насте пришлось переступить правило – помочь наказанному, по её убеждению, за грехи, приводит *Иванова Людмила Николаевна*, (Московская обл., г. Королёв):

«Нашу маму Настя очень любила. Отец пил и дрался. Жили вшестером в одной комнате из 16 квадратных метров. Из окна комнаты были видны купола Троицкого собора, и мать наша, глядя на них, заливалась слезами. Думаю, эти слёзы и дошли до Настеньки. Ещё не видя маму,

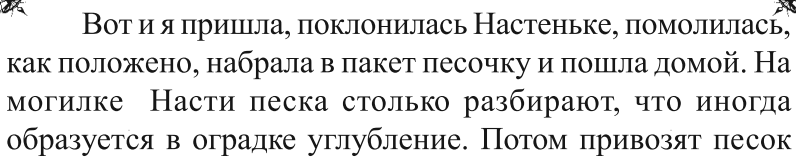
она велела молочнице найти её. «Может, это ты Маша? Мать Настя велит тебя привести. Пойдём, а то меня накажет». И мама отправилась с ней. С того дня мама постоянно ходила к Насте и ничего без её благословения не делала. Смолоду и всю жизнь она страдала болезнью почек. Настя её лечила, только благодаря ей мать и жила.

Отца нашего старица не любила. Был он человек злой, пьяница, атеист и коммунист. Однажды он упал в городской бане и очень расшиб голову, жизнь его была в опасности. Мама пришла к Насте просить за отца, но Настя ни за что не соглашалась помочь. Она сказала: «Матрёна (так она называла маму Марию), ты не слушаешь Настю, не веришь. Без него жила бы как княгиня». Но мама плакала и просила помолиться, ведь у неё - четверо дочерей.

Отец выздоровел и пережил мать нашу на 31 год, умер в 82, а мама в 51. Когда врач делал вскрытие маминого тела, ее почки буквально рассыпались у него в руках. Врач поразился: непонятно, как можно было жить с такими почками».

*Из беседы с Зоей Ивановной Матвеевой,
город Вязьма:*

«Когда я работала на льнокомбинате, у нас профессиональной болезнью считались болезни ног. Иногда у меня так опухали колени, особенно перед непогодой, что не могла ходить. Мучилась долго, пока знакомые не посоветовали: сходи-ка к Настеньке на могилку. К ней со всеми заботами, болезнями люди и после ее смерти ходят, как к живой.

Вот и я пришла, поклонилась Настеньке, помолилась, как положено, набрала в пакет песочку и пошла домой. На могилке Насти песка столько разбирают, что иногда образуется в оградке углубление. Потом привозят песок ещё.

Дома я песок нагрела, насыпала в тряпочные мешочки, и к коленям. Что вы думаете? Боль как рукой сняло! После, к непогоде побаливать чуть начинает, так я опять – песочком Настенькиным лечусь. И многие, я знаю, так все хвори свои исцеляют.

Степанова Е.И., город Вязьма:

«Работала я на мясокомбинате, где мыли жир. Вся работа – руки в воде, вот и начали они болеть, между пальцев возникла экзема. Пришлось работать в резиновых перчатках, но и в них руки мокли. Работу не оставишь: растёт двое детей – учить надо, в люди определять.

Вышла я на пенсию в начале 80-х годов, но попросилась поработать ещё. Меня оставили, но дали другие поручения. Руки болели страшно: ни постирать, ни на даче в земле покопаться. Однажды в поликлинике медсестра и говорит: «Сходите вы на кладбище к Настеньке. Помолись, возьми земли с могилки – земля там святая».

Прошло какое-то время. Поехала я к ней, свечечку на могилке зажгла, помолилась, попросила о помощи, как могла. Молитв почти не знала, своими словами просила Господа и Настеньку помочь, и как-то руки сами опустились на могилу. Стала ковырять землю – она была сухая – и всё тру, тру руки... Мне так хорошо стало. Потом ещё несколько раз к Настеньке ездила.

Прошли годы, рук мои зажили, а вот большое

давление замучило. Уже и просить блаженную стыдно. Но если доживу до весны, опять к ней поеду. Меня туда тянет. Может, ещё выпрошу у неё помощи, надеюсь на это».

Васильева Л.И., город Вязьма:

«Когда я была ещё маленькая, то с мамой ходила к Настеньке. Я была очень болезненная. Но не долго пришлось нам ходить: Настя умерла, и мы с мамой пошли на ее похороны. Процессия нам встретилась около моста на Русятке. Мама всё хотела дотронуться до гроба; около моста гроб поставили, менялись, кто нёс. Тут мы с мамой смогли поклониться Настеньке и дотронуться до нее.

Прошло два года или, может, чуть больше. Я ходила в школу, здоровье моё стало ухудшаться. И маме посоветовали ходить к Настеньке на могилу. Вот я с мамой и ходила к блаженной – или рано утром, или поздно вечером. Время-то какое было, а я комсомолка, и если б в школе узнали... Закончив школу, поступила учиться заочно. Несколько лет мы продолжали с мамой ходить украдкой к Настеньке.

Вышла замуж, свои дети, теперь внучке семь лет, и у неё такая же болезнь, как была у меня.

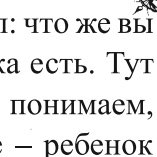
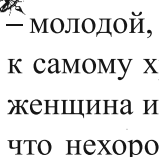
Теперь я не боюсь никого, иду с внучкой к блаженной Настеньке. Внучка зовёт её бабушкой. Не вдруг, не сразу, но вижу: улучшение есть и хорошее. Это торопить не надо. Надо молиться и надеяться. И Господь, и Настенька – помогут».

С началом сбора свидетельств я время от времени ходил к могиле праведницы. Был на Екатерининском кладбище и в конце февраля. Пришёл, перекрестился на зияющий пустыми окнами, прекрасный и в запущении, храм святой Екатерины; вошёл в оградку, поклонился могиле Настеньки. К ограде приближался мужчина с фанерной лопатой. Познакомились, разговорились. Звали его *Юрий Васильевич Фёдоров, 53 года, инвалид*. О Настеньке он говорил, как о живой, как о родном человеке. Я у него спросил, не знаете ли он случаев исцеления посетивших могилку. Юрий Васильевич отвечал:

«Многие ходят к ней со своими болезнями. И помогает она, я знаю. Но ведь не станешь всех расспрашивать. Тем более, фамилии запоминать, записывать... Мне-то зачем? Могу поручиться за один случай. Недавно у нас дома взорвался газовый баллон. Жёну сильно поранило осколками. Она не могла спать четверо суток, уколы не помогали. Тогда я набрал песку с могилы, вот с этого места, - он показал нишу в кирпичной кладке у основания дубового креста, - отнёс в больницу и положил пакет жене под подушку. Она тут же успокоилась и крепко заснула.

Ещё один случай знаю точно, но опять-таки, фамилиями не интересовался. Дело было поздней осенью 2004 года. Я убирал в ограде палую листву. Только все выгреб за калитку, как из-за церкви выкатывает джип. Остановился в десяти метрах от Настиной могилы, выходит из машины мужчина.

Я не возмутился, с граблями же на него не кинешься

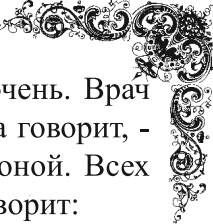
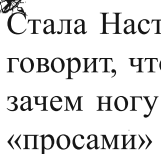
– молодой, здоровый. Однако замечание сделал: что же вы к самому храму-то на машине! Там же стоянка есть. Тут женщина из машины вышла. Говорят мне: мы понимаем, что нехорошо, извините. Но у нас в машине – ребенок тяжело больной. Тут они вытащили мальчика и на руках понесли его к Настенькиной могиле. Посадили ребенка на гробницу, так, что он спиной к кресту прислонился. Сняли сапожки, носки, набрали в горсти песка и начали ему ноги растирать. Уехали, потом ещё раз два или три приезжали. Говорили, что из Москвы.

В последний раз я видел эту семью под Новый год. Убираю снег, вдруг слышу разговор. Уже они без машины, пешком идут. Муж, жена, а меж ними мальчик. Своими ножками идёт, везёт за собой санки. «Ну, как дела?» – спрашиваю. «Каждый день стоим перед иконой на коленях, - отвечает женщина, - благодарим Бога и Настеньку».

Из беседы с Тamarой Николаевной Орловой, 76 лет:

«Настеньку помню с войны. Тогда позади пивзавода был Поповицкий сад, сейчас там всё разрушено. В этом Поповицком саду стоял дом, где жила тётя Варя. Настя там принимала, там и на молитву собирались. Ещё она жила на Обьездном шоссе у тёти Фроси.

В 1943 году нас освободили, я пошла работать на стройку. Однажды у меня случилось заражение, на правой ноге образовалась «рожа», по всей ноге. Врач сказала: ногу надо отнимать. А мне было 16 лет, представьте: девка без ноги – это вообще, ад кромешный. Кое-как дошла до Настеньки, она у тёти Фроси жила на Обьездном шоссе.

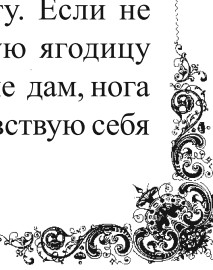
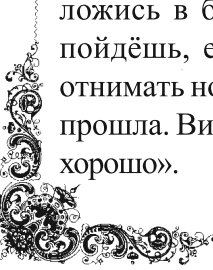
Стала Насте говорить: вот моя нога, плохо очень. Врач говорит, что надо отнимать. «Нет, - Настенька говорит, - зачем ногу отнимать». А звала она меня Фионой. Всех «просами» называла, а меня – «Фионой». И говорит:

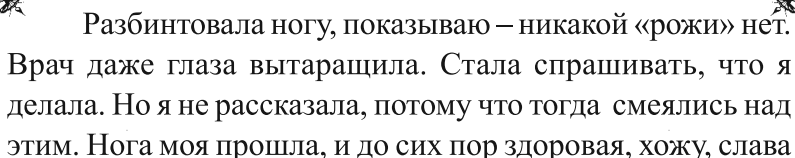
«Иди, Фиона, в собор к Благодичинному». У нас тогда отец Михаил был, Соколов фамилия. Пришла в Троицкий собор. Тогда там заготзерно было, а служба велась только в Иверском приделе. Я, вообще-то, ходила в церковь, но отец Михаил меня не знал, и я очень стеснялась. После обедни подошла: «Меня Настенька прислала, с ногой плохо, хотят отнимать».

«Иди, - говорит, - в канцелярию, сейчас я приду».

Позвал церковного старосту, Добрышина Сергея Михайловича. Царство ему небесное. Велел принести берёзовый веник: дело в августе было. Стал молиться, меня веником этим похлопал по ноге, смазал маслом с церковного престола, укутал ногу, и я с палкой пошла домой. На больничном два дня побыла, полежала, и нога выздоровела. Ничего не осталось, только пятна тёмные, как бывает от раны.

Пришла я на работу, начальница прибежала ко мне: «Тамара, тебя врач зовёт!». Раньше поликлиника была возле железнодорожного клуба, маленький домик жёлтый, теперь его нет. Я пришла к врачу, она возмущается: «Почему не являешься? Мы тебе уже и направление выписали. Иди, ложись в больницу, будем ампутировать ногу. Если не пойдёшь, еще хуже будет, придётся по самую ягодицу отнимать ногу». Я отвечаю: «Ничего отрезать не дам, нога прошла. Видите, я без палки к вам пришла и чувствую себя хорошо».

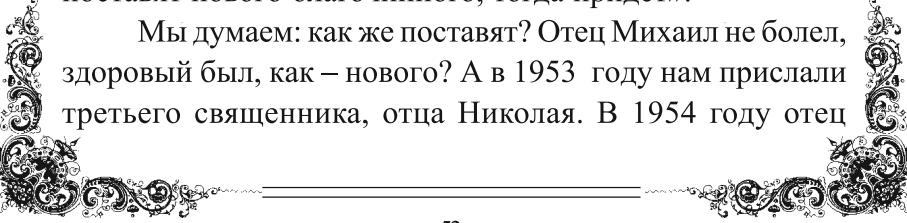
Разбинтовала ногу, показываю – никакой «рожи» нет. Врач даже глаза вытаращила. Стала спрашивать, что я делала. Но я не рассказала, потому что тогда смеялись над этим. Нога моя прошла, и до сих пор здоровая, хожу, слава Богу. Пятна были долго, теперь уж и их не осталось».

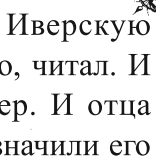
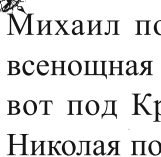
Маму Настя звала почему-то Просой Великопольской. В 1946 году мама пошла к ней, Настенька говорит: «Проса, твоего ж Гришу в тюрьму посадят». Когда отцу мать сказала, тот засмеялся: «Не за что меня сажать».

У меня родители верующие, никогда не возьмут чужого – за что сажать? А в 1948 году папу забрали. По 58 статье. Он работал начальником караула в пожарном депо. Был День пожарника, ему дали премию, грамоту за хорошую работу, поздравили. А на другой день за ним пришли. Почему? Пожарка была, где памятник Ефремову, возле сада. К ним зашёл милиционер погреться, дело зимой было, вынул хлеба кусок, бутылку молока и стал обедать. Папа возьми и скажи, вроде как в шутку: «Раньше обедал – кусок сала, да краюху хлеба, а молоком запил бы...» За эти слова его и забрали. Кто написал донос – не могу сказать, милиционера этого на суде не было. Дали моему отцу десять лет. Сидел в Куйбышеве.

В начале пятидесятых годов XX века мы пришли к Насте, она обнадежила: «Приедет твой Гриша. Когда поставят нового благочинного, тогда придёт».

Мы думаем: как же поставят? Отец Михаил не болел, здоровый был, как – нового? А в 1953 году нам прислали третьего священника, отца Николая. В 1954 году отец

Михаил последний раз читал молитву, на Иверскую всенощная была, с большим усердием, помню, читал. И вот под Крещение заболел и 18 января умер. И отца Николая поставили руководить приходом. Назначили его в феврале, а в мае или июне папа пришёл домой. Как Настя сказала, так и случилось.

В начале Великой Отечественной войны в Троицком соборе служба шла только в Иверском приделе. Там, где сейчас людей крестят. А в 1956 году отдали для православного служения весь Троицкий собор. Я тогда тоже работала в соборе. И мы для убранства церкви ездили в Подмосковьё. По закрытым храмам собирали иконы. Их там не только не жалели, но ещё и рады были, что забираем.

В кладовках и подсобках всё было кучей свалено. Мы и рады были все собрать: храм открыт, а стены голые, вот и везли мы церковную утварь отовсюду. В основном, из Подмосковья, из Павлово-Посада, километров за 30 село, не помню уже какое, а в нём церковь. Там, у батюшки Петра на колокольне были иконы.

Потом ещё село Мячиково есть под Москвой, там тоже иконы брали. В конюшне иконы лежали: Николая Угодника, Спасителя и Божьей Матери. Иконы эти никому не нужны были.

Не самовольно, конечно, нами всё это делалось, а с разрешения уполномоченного Трушина. В автоколонне мы брали машину и ехали.

Перед каждой поездкой я к Насте ходила за благословеньем. Она мне наказывала селёдку привезти или

большую конфету. Как она мне так скажет, я знаю, что едем с толком, всегда что-нибудь привезем. И всё было благополучно, всё получалось.

Однажды поехали, шофёр у нас был Иван. В Павлово-Посаде явились к председателю горисполкома Вере Васильевне, показали разрешение. Ну, там она меня немножко поругала, что я, мол, в церкви, молодая такая, и мы отправились. Добрались туда, нагрузили машину так, что она еле двигалась. Икон очень много набрали, подсвечники, семисвечник, царские двери, которые в Иверском приделе и в Введенской церкви сейчас... И поехали мы на машине назад, через мост. Никто нам не сказал, что мост-рухлядь, по нему ходить могли только люди.

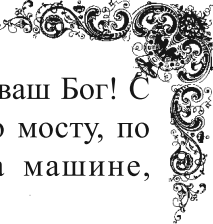
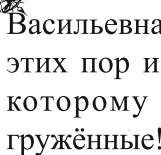
Когда к мосту подъехали, шофер Иван говорит. «Выходите. Поднимайтесь на горку и молитесь Богу. Проеду я или нет – не знаю».

Вышли мы, отец Николай стал читать акафист Николаю Угоднику, а мы - молиться. Наш Иван проехал через мост и взъехал на горку.

А в горисполкоме Вера Васильевна, что мост плохой, не сказала, но послала подводу, чтобы помочь нам вывезти иконы на горку. Мы уже едем, а навстречу – подвода. Возчик помахал нам рукой, говорит: «Меня к вам Вера Васильевна прислала. Как же проехали?» Шофёр отвечает: « Не знаю, как. Мост весь шатался».

Вот какое чудо. Я считаю, с благословенья Настеньки нам Бог помог.

Приехали в горисполком документы отмечать, а Вера

Васильевна удивляется: «Я вам скажу: велик ваш Бог! С этих пор и я буду веровать. Вы проехали по мосту, по которому люди боятся ходить. А вы на машине, гружённые!».

Привезли мы иконы в Вязьму, начали расставлять в соборе: иконостас нам сделали в Сергиево-Троицкой лавре.

А ещё при немцах отец Фёдор собрался открыть монастырь женский. И я собралась идти в этот монастырь. Молоденькая? Ну, и что! Батюшка наш, вы знаете, такой богомольный был. В общем, я собралась. Пошла к Настеньке, а она меня в монастырь не благословила. Сказала: «Мы тебя, Фиона, замуж отдадим, ты нам деток нарожаешь».

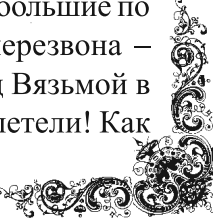
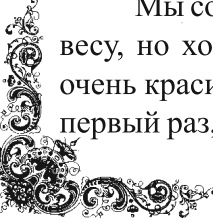
Я к Насте, наверное, недели две не ходила, даже обиделась. Очень хотела в монастырь. Пришла к отцу Фёдору, он говорит: «Раз не благословляет – не ходи».

Монастырь он так и не открыл. Пришли уже наши, не до монастыря было. Отца Федора забрали, угнали в Смоленск. Но и в Смоленске отец Федор не остался, погнали его дальше, в Киев. Там он закончил земной путь свой, в Киеве его и похоронили. Мы туда ездили с отцом Николаем.

Когда мы о колоколах еще и не помышляли, отец Федор отцу Николаю говорил:

«Ты повесишь колокола! И не бойся: звони и звони».

Мы собрали колокола из Подмосковья: небольшие по весу, но хорошие. И серебряные были, для перезвона – очень красиво. Когда зазвонили в колокола над Вязьмой в первый раз, к нам из горисполкома тут же прилетели! Как

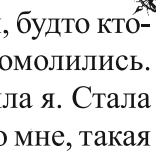
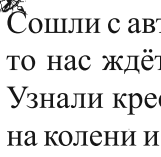
ругались только, ой-ой-ой... Хотели нам запретить звонить . Отец Николай сказал: «Звонить будем - церковь от государства отделена, здесь вы нам не указ. Мы же не во вред кому-то...». И с тех пор стали звонить.

Морозова Нина, деревня Хмелита.

«Живём с дочерью в Хмелите. В селе работы нет, летом 2004 года приехали искать работу в Вязьму. В службе занятости посочувствовали, но рабочих вакансий не оказалось. Посоветовали нам обратиться к предпринимателям. Ходили мы по работодателям долго, но никто ничем не помог. В подавленном настроении пошли на автобусную станцию. Сидим там и разговариваем меж собой: плохо, что нет знакомых, чтобы помогли. Дочери пора учиться, учёба в городе, за неё платить надо, за жильё – тоже. Никакой надежды...

Тут сидела пожилая женщина и всё слышала. Подвинулась к нам и говорит: «Девоньки, не тужите, Господь вас не оставит. Вы с хорошего места приехали. Сходите к нашей блаженной Настеньке. Да сначала зайдите в церковь Екатерины мученицы, что на кладбище, помолитесь и попросите её помощи и благословения. Настенькина могила с правой стороны, где большой деревянный крест. Помолитесь ей, только подходите по одному. Если ваша просьба от чистого сердца, старица поможет».

Рассказала нам женщина как до Настиной могилки добраться и отошла. Мы тут же поехали на кладбище.

Сошли с автобуса и как-то сразу почувствовали, будто кто-то нас ждёт. На кладбище зашли в церковь, помолились. Узнали крест. Сначала к могилке Насти подошла я. Стала на колени и ощутила некое тепло. Что-то шло ко мне, такая благодать, что у меня потекли слёзы. Стояла я на коленях, и душа моя открылась... Я просила Господа и блаженную: помоги нам, ведь мы хотим работать, любой труд нам будет в радость. Потом стала успокаиваться, перестала плакать, поднялась с колен.

Подошла к Настиной могилке моя дочь, говорит: «Бабушка Настя, помоги нам. Ведь я молодая, учиться хочу». Потом дочь как-то притихла, что она говорила, я уже не слышала.

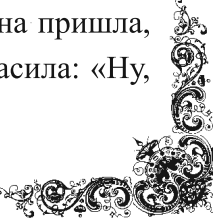

Дочь встала, поцеловала крест, и я подошла поцеловать крест. Мы постояли ещё немного, и как будто кто сказал нам: идите. И мы пошли.

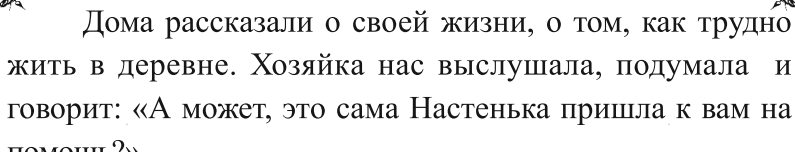
Зашли в магазин купить хлеба, кое-что было из дома. Разговорились с продавцами, кто мы и откуда, а они нам и говорят: «А у нас хотите поработать? Коллектив наш - хороший, видим, что и вы хорошие женщины. Приходите завтра прямо с утра»».

«Спасибо за предложение, - говорю, - а как ездить каждый день из Хмелиты? Жилья у нас в Вязьме нет»

Женщины позвали ещё продавщицу, интересуются: «Твоя соседка никого не пустила на квартиру?» - «Пока нет. Студентов не хочет, больно шумные».

Позвонили женщине, сдающей квартиру. Она пришла, посмотрела, поговорила с нами. Потом пригласила: «Ну, пойдёмте, а то я ужинать собралась».

Дома рассказали о своей жизни, о том, как трудно жить в деревне. Хозяйка нас выслушала, подумала и говорит: «А может, это сама Настенька пришла к вам на помощь?»

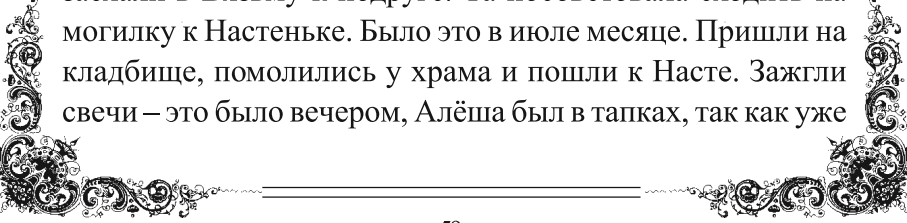
Теперь я работаю в магазине. Дочь учится на вечернем отделении в институте. Подруги помогли найти ей престижную работу. Так вот мать Настенька помогает людям, понимая их беду. Осталось только в душе боль, что не спросили имени той женщины, которая своим советом помогла нам на автовокзале.

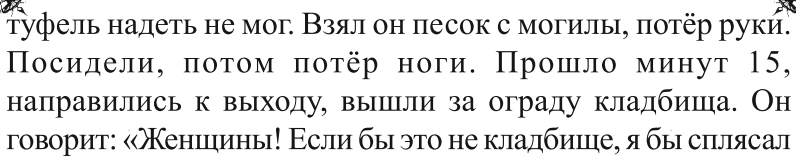
А пока мы ходим в церковь Иоанно-Предтечинского монастыря и ставим свечку за Настеньку. И ещё за ту случайно встреченную женщину – спаси её Господи и дай ей здоровья».

Из воспоминаний Любови Денисовой:

«Муж и жена Белобородова Т.А. и Яковлев А.П. живут в Москве. У Яковлева долгое время болели руки и ноги, была экзема. Работал он в кремлёвских гаражах механиком. Его там лечили – не то, что нас. Алексей Яковлев часто ездил в санатории, но болезни утихали не надолго. Появлялись трещины на руках и ногах – ни умыться, ни искупаться.

Возвращалась как-то семья из санатория домой, заехали в Вязьму к подруге. Та посоветовала сходить на могилку к Настеньке. Было это в июле месяце. Пришли на кладбище, помолились у храма и пошли к Насте. Зажгли свечи – это было вечером, Алёша был в тапках, так как уже

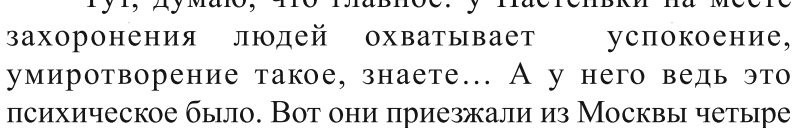
туфель надеть не мог. Взял он песок с могилы, потёр руки. Посидели, потом потёр ноги. Прошло минут 15, направились к выходу, вышли за ограду кладбища. Он говорит: «Женщины! Если бы это не кладбище, я бы сплясал вам!»

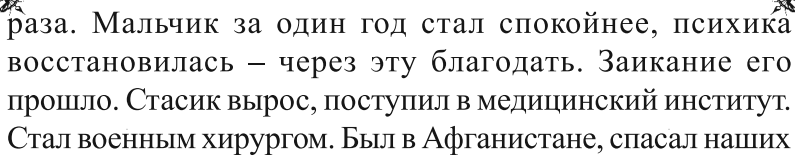
Когда пришли к подруге, сказал: «Руки мыть не буду. Мне легко и спокойно, не зудят ни ноги, ни руки, и я боюсь смыть эту благодать». Так он лёг спать. Спал ночь и, на другой день до обеда, пока его не разбудили есть, и домой ехать. В Москве Алексей рассказал своему врачу об исцелении. Та сначала не поверила. Но беда заставит поверить».

В тетради запись с исцелением Алексея Яковлева кончалась. Заинтриговало: какая «беда»? И если «поверила», каковы результаты? Позвонил Денисовой, она обещала рассказать, но попросила время – выяснить через родственников в Москве фамилию врача. Наконец, встретились: вот продолжение истории.

«У этого врача кремлёвской больницы – по кожным болезням, значит... дерматолог? Ну, так, наверное. У неё сын заикался. Врач – Шубина Татьяна Тимофеевна, а сын – Станислав Григорьевич. И вот, когда ничего не помогло, никакие методы, она приезжала со своим сынком к нам в Вязьму, ходила на могилу к старице. Что они там, как – я не видела: молились ли, кланялись, но только, в конце концов, помогло.

Тут, думаю, что главное: у Настеньки на месте захоронения людей охватывает успокоение, умиротворение такое, знаете... А у него ведь это психическое было. Вот они приезжали из Москвы четыре

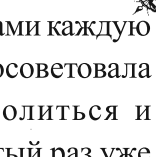
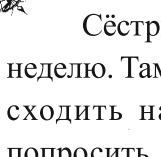
раза. Мальчик за один год стал спокойнее, психика восстановилась – через эту благодать. Заикание его прошло. Стасик вырос, поступил в медицинский институт. Стал военным хирургом. Был в Афганистане, спасал наших солдат там. Вернулся благополучно».

Вот еще несколько воспоминаний Любови Денисовой:

«Подошла я на автобусную остановку ехать на вокзал. Две цыганки там очень оживлённо разговаривали: плакали, целовались, кричали – по-цыгански, а если ругались, то по-русски. Я им и говорю: что, ромалы, раскричались? Тут остановка, люди. У нас, говорят, праздник в два ряда, а то и в три! Уточняю: «Масленица?». А они отвечают, что масленица не в счёт, у нас свои дела. Потом спросили, верую ли в Бога. Говорю, что верую, читаю Псалтырь по усопшим, на церковно-славянском языке.

Цыганки сказали: «Выслушайте нас! Домой мы вас отвезём на такси».

И вот они рассказали, что живут между Тёмкинским и Угранским районами. В прошлом году в конце лета у цыган крупная ссора вышла, закончилось всё дракой с поножовщиной. Были зарезанные, и четверых подозреваемых взяла милиция. Был среди них и брат этих цыганок. Они говорили, что брат никого не резал. Но все показания были разные, и сидел их родственник под следствием, а дело никак не кончалось. В декабре попал в милицию цыган уже из другой области, за другое преступление. Признали его соучастие и в ранее совершившемся деле, за которое был арестован брат цыганок, и пошло всё заново.

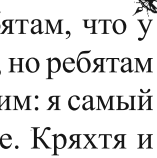
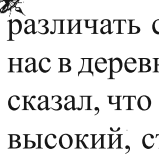
Сёстры к брату в тюрьму ездили с передачами каждую неделю. Там и встретилась женщина, которая посоветовала сходить на кладбище к Настеньке – помолиться и попросить, чтобы помогла. И вот они в четвёртый раз уже ездили к Насте. Заходили в Екатерининскую церковь, ставили там блины и пироги, чтобы помянуть цыган усопших. И к Настеньке заходили. Потом в тюрьму пошли. И вот - радость! Брат - оправдан!

Цыганки спрашивают меня, как им теперь молиться, в каком храме лучше. Я ответила: «Храм есть храм; и Господь, и Матерь Божия – везде пребывают, слышат все молитвы. Но если суд оправдает вашего брата, то закажите благодарственный молебен Спасителю. Если вас слышала Настенька, то и Спаситель вас услышал».

Мы, жители деревни особенно благодарны блаженной Анастасии за её молитвы, за весь её труд. Ведь после второй мировой войны в нашей округе ни один парень, призванный в армию, не погиб. В Венгрии был мой племянник Тарасов Валера. В Чехословакии – другой племянник, Тарасов Николай. Он танкист, им был приказ давить танками народ. Он очень об этом рассказывать не хотел; говорил, было жутко и страшно.

У моего племянника сын служил в Афганистане. Исаев Володя, он и другие солдаты попали в плен к афганцам, сидели в глубокой яме. Сидели уже несколько дней; давали им бутылку воды тёплой да несколько лепёшек в день.

«Вот сидим, - рассказывает Володя, - ночью темно, а звёзды так низко... Я смотрел на них, и вдруг из звёзд стал

различать слово «НАСТЯ». Я и рассказал ребятам, что у нас в деревне жила старлица. Всего о ней не знал, но ребятам сказал, что она была святая. Потом предложил им: я самый высокий, становитесь на меня и все вылезайте. Кряхтя и охая, и прося святую Настю, чтобы помогла, вылезли мы все из ямы, никого не оставили и разбежались в разные стороны».

Сегодня Исаев Володя живёт недалеко от города Орла, у него большая семья.

И в чеченской войне наши ребята, слава Господу, не погибли.

А когда мы ставили, по завету Насти, на новом кладбище крест и часовню, наша молодёжь деревенская, золотые ребята, только спрашивают: «Тётя Люба, что надо, мы придём на помощь».

Что бы мы делали без нашей Настеньки?»

Церковь Св. Екатерины

Валерия Антипцева

Родилась я в Вязьме, живу здесь с самого рождения. Настеньку мне знать не довелось, но удивительных воспоминаний о ней слышала очень много. Все, что узнала, записала в тетрадь, куда собираю материалы о вяземских святых и подвижниках.

Из воспоминаний жительницы деревни Гридино Вяземского района:

«Моя бабушка, Куликова Наталья Ефимовна, в годы войны ходила к Настеньке чтобы узнать, придет ли с войны ее сын, давно не подающий вестей о себе. Настя усадила бабушку на табурет у окна, а сама села пить чай. Потом залезла на русскую печь и стала есть конфеты.

Моя бабушка еще раз спросила: «Мать Настенька, вернется ли мой сын домой?» А Настенька ей: «Ты сиди, сиди». Так повторялось несколько раз. Через некоторое время бабушка очень настойчиво повторила свой вопрос. Настенька ей отвечает: «Смотри в окно, как казаки-то скачут, да сколько их! А твой-то без головы, к соседям подался».

Бабушка ничего не поняла и опять спрашивает про сына. Старица говорит: «Купи в Захарьевской лавке (за Фроловским мостом) головку сахара. Принеси мне, тогда и поговорим!».

Только в той лавке никакого сахара не оказалось. Больше к Настеньке бабушка не ходила. Через некоторое время она узнала, что сын ее лежал в госпитале, а куда попал после выписки – о том уже никто не знал. Домой он так и не вернулся».

Рассказывала Мария Красовская, город Вязьма:

«Когда у нас пропала корова, мама пошла разузнать о пропаже к Настеньке. Старица ей отвечала: «По горелому, по горелому пошла, там и найдёшь».

Стала мама вспоминать, в какой деревне не так давно были пожары. И действительно, нашла свою корову, привязанную во дворе одного из домов сгоревшей деревни.

Второй раз мама обратилась к Настеньке, когда муж её попал в больницу с болезнью ног. Врачи предупредили мать, что дело моего отца - безнадежное и выписали его домой, умирать. Решили родители обратиться к Настеньке. В ответ на горестный рассказ матери старица пробурчала: «Он ещё тебя переживёт».

Так и вышло. Мать умерла, а отец женился вторично, прожил с молодой женой двадцать лет и умер в 74 года».

По словам Николая Дулетова:

«Одна женщина пришла узнать у Настеньки, выживет ли её муж. Старица игнорировала ее вопрос, но сказала: «Ты лучше дочку береги». Через несколько дней случилась трагедия: в глаз дочери попал нечаянный выстрел.

Рассказывала Мария Коваленко:

«Перед смертью Настеньки я была у неё. Старица лежала лицом к стене и говорила: «Скоро земля и небо гореть будут».

Вспоминает Алексей Лачков:

«Там, где сегодня стоит городской Дворец культуры»

находился базар. Отец мне рассказывал, что на этом базаре Настенька продавала иконы. Была она уже пожилой женщиной, когда стала «чудить», на юбку лоскуты пришивать. Потом еще много лет прошло, только Настенька внешне не менялась. Никто не знает, сколько ей лет было».

Лена Никифорова на могилке Настеньки слышала такие признания:

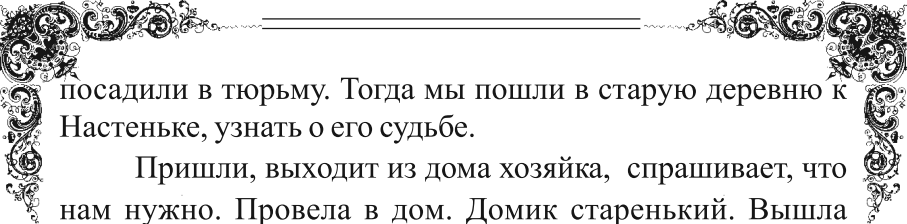
«Мать Настенька однажды увидела в окно идущего к ней мужчину. Воскликнула: «Ой, какой плохой человек идёт!». И спряталась в соседней комнате. Вскоре этот мужчина повесился, т.е. Настенька прозрела его поступок.

«Покупала одна семья дом. Нашли подходящий, но цена была очень высока. Пришли за помощью на кладбище, к Насте. На могилке её разложила все документы, просили о помощи. Дом им продали в два раза дешевле».

«Женщина восемь лет не ходила, лежала, и потом сказала детям: «Ведите меня к Настеньке, хочу с ней похристосоваться». Доставили женщину на могилку. Посидела там, и пошла домой своими ногами. С тех пор нормально ходит».

По воспоминаниям Родичивой Александры, город Вязьма:

«Жила на нашей улице Лена Сафронова. Ее муж был товароведом в торге. Он ездил за продуктами в Белоруссию. Зная, что нас шестерых, оставшихся без матери, воспитывает тетка, этот товаровед продавал ей по себестоимости яблоки, гречку, еще чего-нибудь. Однажды у него по документам вышла недостача, мужчину

посадили в тюрьму. Тогда мы пошли в старую деревню к Настеньке, узнать о его судьбе.

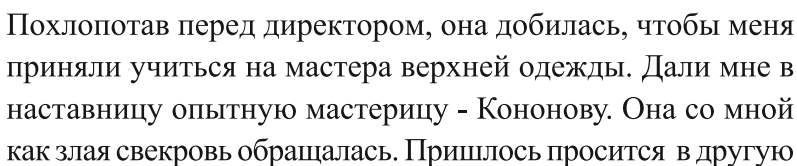
Пришли, выходит из дома хозяйка, спрашивает, что нам нужно. Провела в дом. Домик старенький. Вышла Настенька в сарафане красно-черном, в валенках огромных, солдатских. Сама Настя - высокая, стройная. Открывает старица в красном углу кружевную накидку и достает купель. Зажигает свечи. Хозяйка спрашивает: «А кто у тебя не крещен?». Настя отвечает: «Это у меня один сын крещен, а другой нет». Молилась, крестилась, кругом купели ходила.

Потом старица у нас спрашивает: «Что вы хотите?». Поясняем, в чем дело. Настя говорит: «К празднику выйдет»

Так и случилось. Вернулся этот мужчина из тюрьмы как раз к указанному празднику. Оказалось, что у него было два сына, и один из них не был крещен. Окрестили мальчика, а я его крестной стала.

Другой раз я сама ходила к Настеньке, спросить, устроюсь ли на работу. Старица промолчала. Я повторила свой вопрос. Настя, ничего не отвечая, полезла по лесенке на русскую печь, стала там швырять какие-то тряпки, фуфайки. Обратилась я к ней в третий раз. Настенька отвечает: «Устроишься, да свекровь тебя сожрет».

Пророчество исполнилось таким образом. Моя сестра работала в мастерской индивидуального пошива. Похлопотав перед директором, она добилась, чтобы меня приняли учиться на мастера верхней одежды. Дали мне в наставницу опытную мастерицу - Кононову. Она со мной как злая свекровь обращалась. Пришлось просится в другую

смену, к другому наставнику. Новая наставница была уже как мать, а не как свекровь.

Вообще, все говорили, что Настенька имела неопределенный возраст и с годами не менялась. Никто не знает, сколько старице лет было. Моя тётя, прожив 72 года, говорила, что будучи ребёнком, она знала такую же по возрасту Настеньку, как и на закате своей жизни».

ВЕЛИЧАНИЕ

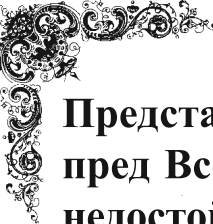
Величаем тя, святая блаженная мати наша Анастасие, и чтим святую память твою, Ты бо молиши за ны Христа Бога нашего.

КОНДАК, гл.3

Днесь светло ликует град Вязьма, яко множество скорбящих обретает утешение, на твоя молитвы надеющиеся, Анастасие всеблаженная, ты бо еси граду сему похвало и утверждение.

МОЛИТВА

О святая благоверная мати Анастасие! Под покровом Всевышняго жившая, ведомая и укрепляемая Богоматерью Тихвинскою, голод и жажду, холод и зной, поношения и гонения претерпевшая, дар прозорливости и чудотворения в долголетьи жития своего от Бога получила еси и под сенью Всемогущего покоишься. Ныне Святая Церковь яко благоуханный цвет прославляет тя. Предстояще на месте твоего погребения, пред образом твоим святым, яко живей ти сущей с нами молимся: прими прошения наша и принеси я ко Престолу Милосерднаго Отца Небеснаго, яко дерзновение к Нему имущая, испроси притекающим к тебе вечное спасение, на благая дела и начинания щедрое благословение, от всяких бед и скорбей избавление.

Предстани святыми твоими молитвами пред Всемилостивым Спасителем о нас, недостойных и грешных. Помози, святая блаженная мати Анастасие, младенцы светом святого крещения озарити и печатью дара Духа святого запечатлети, отроки и отроковицы в вере, честности, богобоязненности воспитати и успехи в учении им даровати, болящия и недугующия исцелити, семейным любовь и согласие ниспосли, монашествующих подвигом добрым подвизатися удостой и от поношений огради, пастыри в крепости Духа Святого утверди, народ и страну нашу в мире и безмятежии сохрани, о лишенных в предсмертный час причащения Святых Христовых Тайн умоли, ты наша надеждо и упование, скорое услышание и избавление, Тебе благодарение возсылаем, и с тобою славим Отца и сына и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТРОПАРЬ

Нищету Христову возлюбивши, бессмертныя трапезы ныне наслаждаешия, безумием мнимым безумие мира обличивши, смирением крестным силу Божию восприяла еси. Сего ради дар чудодейственных помощи стяжавшая, Анастасие блаженная, моли Христа Бога избавитися нам от всякаго зла покаянием.